

Тихоня для хулигана

Автор:

Саманта Аллен

Тихоня для хулигана

Саманта Аллен

Он – хулиган и бунтарь. О нём ходят крайне недобрые слухи... Но он спас мне жизнь, поэтому я должна исполнять даже малейшую прихоть короля уличной банды.

Я – просто игрушка в руках отпетого отморозка.

И эта игра кончится только тогда, когда наскучит ему.

Но в этой игре он заходит слишком далеко... Хуже того, кажется, он не намерен меня отпускать...

Саманта Аллен

Тихоня для хулигана

Глава 1. Тихоня

– Только не это... – причитаю я, начиная молиться, услышав, как надсадно фырчит старичок «Форд».

Откровенно говоря, его законное место на свалке. Чудо, что он вообще ещё на ходу. Старая машина начинает тарахтеть, как блендер, перемалывающий кофейные зёрна, издаёт громкий чих и глохнет.

– О нет, давай же, милый, я в тебя верю, – шепчу, поворачивая ключ в замке зажигания.

Частое тарахтение и тишина. Снова. «Форд» начала восьмидесятых отказывается заводиться. Я осторожно вылезая из салона. Оглядываюсь в густых сумерках. Щербатая дорога освещается одним фонарём. Жуткий, зловещий желтоватый свет. Причём довольно далеко. Я обхожу тёмно-зелёное авто со всех сторон, будто это поможет ему завестись. Не знаю, в чём причина, но из-под капота тянет палёным. Это дурной знак.

Прикусываю ладонь, чтобы не разрыдаться. Уже вижу лицо Макса – старшего брата, орущего на меня: «Бестолочь! Неудачница! Руки из задницы!..» Потом он отчитывает меня за то, что я сломала автомобиль. И если у него будет отличное настроение, я смогу отделаться всего лишь криком. Если же нет... Мне даже страшно подумать. У брата очень тяжёлая рука. Знаю об этом не понаслышке. Поэтому я мысленно обращаюсь к старой развалине, чтобы она завелась и потерпела ещё немного. Самую малость. Каких-то двадцать минут – и я буду дома. Лишь бы убраться поскорее с этой дороги. Она проходит слишком близко к кварталу, который хорошие девочки вроде меня должны избегать, как огня.

Да-да, я знаю об опасности. Но за лекарствами для домашнего питомца пришлось ехать к ветеринару. Я выехала поздно, решила срезать по короткому пути, но его, как назло перекрыли. Я сделала огромный крюк и... И вот я здесь.

Летний вечер довольно тёплый, но по ногам внезапно проносится холодок, и начинают бегать мурашки. Совсем не от ветра, а от ощущения чужого внимания. Кто-то сканирует меня липким жадным взглядом.

Мне хочется вымыться и убраться отсюда. Если этот кто-то из банды Чёрных Псов – я попала. Чёрт побери, я крупно попала!

– Ц-ц-цып-цып-цып... – звук приходит справа.

Я нервно дёргаю головой и сразу же зажимаюсь от дальнего света, ударившего по глазам. Машина. Скорее всего, мне «повезло» попасть под прицел уличных отморозков. Просто прекрасно!

Я была так увлечена своими мыслями, что не услышала, как ко мне бесшумно подкрались чужаки.

- Heu, geus, смотрите, кто здесь, а? - в голосе говорящего отчётливо слышится акцент.

От страха я покрываюсь липким холодным потом. Это точно члены банды. Они называют себя Чёрные Псы и носят чёрные банданы.

Не могла же я вляпаться больше, чем сейчас! Мне очень страшно. Я просто мечтаю, чтобы земля под ногами разверзлась, поглотила меня и никогда не выплёвывала обратно.

- Проблемы с тачкой, чика? - слышится ещё один голос и шорох шин.

Их тачка подъезжает вплотную к моей. Я закрываюсь от слепящего света ладонью и тщетно пытаюсь разглядеть, сколько их.

- Мы можем решить проблему...

- За небольшую плату! - подхватывает первый.

- Погаси свет, ну... - лениво цедит сквозь зубы... третий.

Мать божья, судя по голосам, их трое. Всё, на этом моё терпение лопается, и я с бешено колотящимся сердцем ныряю в салон своей древней тачки. Пытаюсь закрыть дверь. Но, как назло, дверь хлопает вхолостую. Снова и снова. На третий раз она распаивается резким рывком, а мне в волосы вцепляются сильные пальцы.

- Смотрите, какая смазливая мордашка!

– От-т-т-тпустите меня! – голос напоминает писк мыши, раздавленной кем-то большим и сильным.

– Давай познакомлю тебя с парнями.

От нахала несёт пивом, дешёвым табаком и запахом пота. У него сильные, накачанные руки, сплошь забитые татуировками. Даже пальцы в чернилах. Он усмехается и перекатывает во рту зубочистку, а потом внезапно сплёвывает её вместе с харчком на пол салона моего «Форда». Это возмущает меня даже больше, чем хватка пальцев в волосах. Потому что я отдраила старикана до зеркального блеска, и мне жуть как не нравится видеть плевок, в котором находится изжёванная зубочистка.

– Не плюйтесь!

– Чё?

Он дёргает меня так, что едва не выдирает клочок волос. Вытаскивает меня из салона и встряхивает. Кожа на голове вспыхивает сильной болью. Из уголков глаз поневоле скатываются крохотные, но обжигающие слезинки.

– Ал, улов просто блеск...

Я всё-таки ошиблась. Их не трое. Их четверо. Четвёртый опирается задницей на капот ярко-синей тачки и лениво чистит ногти ножом. Изредка поглядывает на меня, усмехаясь. Сальная грязная усмешка в сочетании с пугающей пустотой в его глазах заставляет меня трястись от страха. Я боюсь его даже сильнее того, кто дёргает меня за волосы и демонстрирует дружкам, словно тушку зайца, пойманного на охоте.

– Посмотрите, ну... – заставляет меня крутануться. – Какая сочная задница! Парни, кто первым будет колоть этот орешек?

Я молочу воздух руками. Но мои слабые трепыхания вызывают лишь смех ублюдков. Двое приближаются ко мне, потирая ладони.

– Сочная малышка. Кажется, она заблуди-и-и-лась, – приторно сюсюкает парень, на котором лишь красная майка и короткие джинсовые шорты. Второй, чуть массивнее и намного толще, поддакивает, хлопая дружка по плечу.

– Нужно показать малышке дорогу домой, – и трогает себя за ширинку.

Мерзкий, похотливый урод. Приятели гогочут, довольные его шуткой. Я понимаю, что было ошибкой витать в облаках, отправляясь далеко от дома. Мне не стоило пытаться срезать путь. Чёрт побери, мне вообще не стоило брать старичка «Форда». Теперь у меня проблемы покрупнее внезапно заглухнувшей машины. Скоро на мне не останется живого места. Четвёртый, сидевший на капоте тачки, подходит вразвалочку и осматривает машину, потом задумчиво скребёт щетину на подбородке ножом.

– Снять почти нечего. Но ладно... Отгоним Питу. Пусть хоть за железо немного накинёт.

Теперь моя участь и участь старого «Форда» примерно одинаковая. Только если старик пожил на свете не один десяток лет, то я... лишь пару месяцев назад окончила школу. Мне восемнадцать, я только подала документы в местный колледж. У меня вся жизнь была впереди. Но теперь всё может кончиться плачевно. Прямо сейчас.

– Давай, тащи девку, чё мнёшься? – командует главарь.

– А с этой рухлядью что делать? – интересуется парень в красной майке.

– Оттащи на буксире. Позвони кому-нибудь...

Я слушаю разговоры уличных отморозков, словно они меня ничуть не касаются. Наверное, это защитная реакция – притвориться куском пластмассы, надеясь, что тебя не заметят и отпустят.

– Двигай живее поршнями! – сильный тычок в спину.

Меня ведут к тачке ублюдков. Один уже нырнул на заднее сиденье, и туда же собираются запихнуть меня. Второй подонок сядет с другого бока, они зажмут

меня посередине – и всё, прощай, жизнь!

– Пошевеливайся, цыпочка!

Громила пытается нагнуть меня, чтобы затолкать в сильно заниженную тачку. Но я держусь, словно лом проглотила, и пытаюсь противиться этому. Боже, я не хочу становиться добычей ублюдков! Сделай, что угодно! Пошли мне спасение... Любое. Я буду тебе благодарна!

Внезапно раздаётся звонок моего телефона.

– Это звонит мой брат! Мне лучше ответить... А вам стоит отпустить меня! – кричу изо всех сил.

– С чего бы это? – спрашивает парень, уже сидящий в тачке. Он весь горит нетерпением и обглаживает меня плотоядным взглядом.

– Мой брат... Он...

На ум не приходит почти ничего. Я многое бы могла рассказать о старшем брате. Но по части силы он уступает даже самому мелкому и тощему из этой банды.

– Он конченный псих! – раздаётся откуда-то со спины.

Это ещё что такое? Пятый?! Серьёзно?! Матерь божья, ты просто не могла не макнуть меня головой в дерьмо поглубже, и прислала ещё одного отморозка?

– Акула? Хочешь попробовать эту чику с нами?

От злобного прозвища мурашки по моей коже начинают гулять просто табунами. Я уже едва держусь на ногах и обмякаю, как тряпичная кукла. Если мне повезёт, я просто умру от разрыва сердца прежде, чем хотя бы один подонок дотронется до меня.

Я просто... хочу умереть. Не сходя с этого самого места.

Глава 2. Тихоня

– Салют, парни...

Тот, кого называют Акулой, подходит поздороваться с отморозками.

– Салют, бро!

Члены банды приветствуют Акулу. Они хлопают его по рукам и выглядят довольными встречей, несмотря на то, что на подошедшем парне нет чёрной банданы. Но ублюдки держатся с ним как со своим человеком. Парень высокий. Чёрт побери, он такой высокий, что мне придётся задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Но мне не приходится этого делать. Он подходит ко мне и наклоняется сам.

Тёмные, почти чёрные глаза застывают напротив моих. Я замираю, словно парализованная. Кажется, в глубине его глаз пляшут дьявольские смерчи, образуя глубокие и опасные воронки. Я знаю, что не должна пялиться на отморозка, но просто не могу оторвать взгляда от его лица – сурового, резкого, сложенного из ломаных линий. Но всё равно красивого. Даже чересчур.

Эй, разве у ублюдков не должны быть отвратительные, уродские лица, зверские рожи, при одном взгляде на которые сердце уходит в пятки? Но сейчас моё сердце начинает биться в утроенном ритме. Потому что незнакомец приближает своё лицо к моему так, что я могу сосчитать его длинные, тёмные ресницы. И родинки. Все до одной. Крохотные, тёмные родинки, рассыпанные по его лицу, как угольные крошки.

Пухлые, дерзкие губы парня кривятся в ухмылке, а потом он наклоняется и... втягивает запах моего тела. Нет, блин, он реально нюхает мою шею, едва не проводя по ней носом. Его горячее дыхание обжигает кожу. Я чувствую мяту и отдалённый душок алкоголя. Едва не падаю в обморок.

– Чувствуешь? – спрашивает он и скалится, глядя на ублюдка, держащего меня.

– Чё? – туповато переспрашивает он.

– От неё не смердит страхом. Потому что её брат – конченный псих. И если он узнает, что вы позабавились с его младшей любимой сестрёнкой, он подвесит вас за яйца. Всех, – медленно обводит взглядом подонков. – По очереди.

– Чё за чувак? – интересуется главарь банды.

– Ты знаешь её? – «Акула» небрежно кивает в мою сторону. Поднимает руку и треплет меня по щеке. Подушечки его пальцев шершавые и немного царапают кожу. Он обхватывает меня за подбородок, поворачивая лицом к главарю. – Нет. Ты её не знаешь. Она из другого района. Покруче нашего... В общем, – он усмехается и отпускает меня, отступая в сторону. Отходит к моему «Форду» и небрежно плюхается задом на капот. – Развлекайтесь. Я засеку время!

– Не понял...

Парень в красной майке начинает заметно нервничать и пошмыгивает носом.

– Она не ответила на звонок, – пожимает плечами парень. – Говорю же, брат – конченный псих, следит за ней. Через пять минут он найдёт вас...

– Если он следит за своей сестрёнкой, что она забыла в нашем районе? – резонно интересуется главарь.

– Иногда овечки сбегают из загона, а потом злой пастух загоняет их обратно, верно? – спрашивает Акула, глядя мне прямо в глаза.

Я не сразу понимаю, что он... спасает меня. Но потом поспешно киваю и выдавливаю из себя:

– У б-б-брата очень тяжёлая рука... – судя по каменным выражениям лиц членов банды, моя речь их не очень-то впечатлила. Я решаю добавить красок. – Он умеет бить, не оставляя следов. Но внутренности превращаются в кровавое месиво...

Акула насмешливо вздёргивает смолянистую бровь, в тёмных глазах загораются жаркие искры. Но больше он ничем не выдаёт своего веселья.

Парни из банды переглядываются. Мне кажется, что они не слишком хорошо осведомлены о том, что происходит за пределами этого района. Возможно, я всего лишь нарвалась на мелких сошек – так называют тех, кто не представляет из себя ничего серьёзного. Но это для остальных членов банды. Для меня даже один из этих подонков кажется смертельно опасным.

– Ладно, – главарь прячет нож и нервно дёргает плечом. – Погнали. Кидай девку!

– Но как же попробовать тёлку, а? Один круг, ну? – с надеждой спрашивает тот, что уцепился в мои волосы.

– Пробуй её сам. Но, в случае чего, мы тебя не знаем! – быстро говорит толстый и ныряет в тачку банды. – Лучше завалимся в бар и снимем стрипуху на ночь!

– Эй, парни! Вы куда? – кричит ублюдок. – Да вдруг он нам лапши навесил? – не понимает подонок, крепче хватая меня за волосы.

– Решай сам! – главарь садится за руль и машет. – Бывай, Акула!

Колёса бандитской тачки начинают пробуксовывать на месте, вызывая дикий рёв. Подонок не выдерживает и бросает меня, кинувшись к тачке, медленно отъезжающей прочь.

– Эй, я с вами!

Под дружный гогот отморозков, сидящих внутри, тачка сдаёт назад. Ублюдок забирается в салон, и машина срывается с места, обдав меня таким количеством едких выхлопных газов, что я едва не задыхаюсь.

Я думаю, что легко отделалась. Очень легко. Но, развернувшись лицом к парню по кличке Акула, цепенею от страха. На его губах играет жуткая ухмылка, а глаза горят, как полыхающие звёзды.

– Итак, что хорошая, маленькая, чистенькая тихоня... делает в нашем криминальном квартале?

С каждым шагом он сокращает расстояние между нами. Я понимаю, что нужно бежать. Но понимаю это слишком поздно, когда он распластывает меня по металлу старого «Форда» и прижимается ко мне своим крепким раскаченным телом.

Хулиган поднимает руку и заправляет выбившуюся прядь волос за ухо.

– Как будешь платить за спасение, милашка?

Мой язык прилип к нёбу. Я не могу вымолвить ни единого чёртового слова. Даже помычать не могу, и сдвинуться в сторону тоже не получается. Я могу только наблюдать, как глаза парня становятся ближе и ближе. Он топит меня в этой глубокой черноте, обволакивает и лишает воли.

Его горячее дыхание опалает губы, запуская электрические искры по всему телу...

Глава 3. Тихоня

Зачем он это делает? Я чувствую себя маленьким зверьком, по ошибке попавшим в клетку кровожадного и хитрого тигра. Такой, как он, прихлопнет лапой.

Взгляд хулигана медленно движется вдоль моего тела. Он обводит меня им с головы до ног, а потом так же медленно обратно. Клянусь, что он не пропускает ни одной детали – ни лишней пуговицы, случайно расстегнувшейся на моей блузке, пока меня трясли отморозки, ни брючек с низкой посадкой. Он смотрит так, будто решает, можно ли со мной развлечься. Это не первый раз, когда парень оценивает меня. Но никогда ещё ни один не делал это столь демонстративно... и с такого близкого расстояния. Я бы даже сказала – с мизерного расстояния. Которого совсем не остаётся, когда он прижимает меня к машине ещё крепче, окончательно запирая в плен сильного тела.

Я чувствую, как к лицу приливает краска. Взгляд хулигана останавливается на моих губах, в ответ я начинаю гореть, как настоящий факел. Кажется, кончики моих ушей вообще обуглились – так сильно я смущена пристальным взглядом

симпатичного мерзавца.

- Ты должна мне. Услугу, - медленно говорит он, облизнув губы.

Я смотрю, как замороженная, на его язык. Мне кажется... или он проколот? Хулиган будто прочитал мои мысли, потому что через секунду я отчётливо слышу стук металлической штанги о его белоснежные зубы.

- Заводи своё ржавое ведро с болтами, мне нужно заехать в одно место!..

Что-что?

Парень внезапно отталкивается от тачки раскрытой ладонью и отходит на безопасное расстояние, продолжая смотреть на меня насмешливо.

- ...Ну, пошевеливайся! - покрикивает он на меня.

Акула обходит мою машину и забирается на сиденье, рядом с водительским.

Каков наглец! Но если этот нахал и гроза всех улиц бедного квартала думает, что я смогу ему помочь, то он глубоко ошибается. Я открываю дверь машины и говорю, просунув голову в салон.

- Мой старик не заводится.

- Или ты не умеешь его заводить, - презрительно фыркает парень. Его тёмные глаза цвета обжаренного кофе горят нетерпением. Он хлопает по рулю. - Давай, чика... Пошевеливайся. Или я примусь за тебя...

На этих словах его лицо теряет игривое выражение и становится действительно жестоким, с щедрой долей злобы. Я предпочитаю нырнуть на сиденье и пристегнуться в тот же миг. Оставшись наедине с парнем в замкнутом пространстве, я начинаю нервничать ещё сильнее. Осторожно обхватываю руль и глажу его ладонями.

- ...Ты чё телишься, а? Живее давай! - злится Акула.

– Я... я не смогу тебе помочь! – говорю на коротком выдохе. – Почему, как ты думаешь, я застряла рядом с этим отстойным кварталом? Мой «Форд» заглох! Прямо посередине дороги.

Парень злобно цедит грязное ругательство сквозь крепко стиснутые зубы. Я съёживаюсь под его сердитым взглядом, пробирающим до самых костей.

– Пробуй! – приказывает он и почему-то оглядывается по сторонам.

Я поворачиваю ключ в замке зажигания. После серии коротких надсадных чихов мотор снова глохнет.

– Видишь, я же говорила!

Но Акула накрывает мои пальцы своими и приближается, прижимаясь к моему плечу.

– Ты дёрганая и нервная. Не дожимаешь, как надо!

Он силой вынуждает меня повернуть ключ в замке ещё раз и приказывает выжать сцепление. На этот раз, к моему большому удивлению, всё получается.

– Чудо! – выдыхаю я, когда старенький автомобиль двигается с места.

– Мастерство, – парирует парень с кривой ухмылкой. – Дожимай до конца. У этой тачки педали утапливаются и надо...

– Надо пристегнуться, – перебиваю его, с опаской поглядывая на не пристёгнутого парня.

– Чё? – фыркает.

– Пристегнись, прошу.

– Твоя тачка не разгоняется больше... – Акула прищуривается, глядя на спидометр.

– Я знаю, но лучше пристегнись. Пожалуйста!

Я не должна ничего объяснять. Настоящая причина моего беспокойства навряд ли впечатлит этого парня. Но мои родители погибли по причине халатности – оба навеселе и не были пристёгнутыми, когда попали в аварию. Позднее дорожные полицейские сказали, что ремень безопасности мог бы спасти жизнь хотя бы одному из них. С тех пор я, сев в машину, первым делом пристёгиваюсь. Я не говорю ничего из этого парню, но он решает пристегнуться. На лице написано, будто он делает мне большое одолжение.

– Поезжай на Двадцать Седьмую улицу.

– Я не знаю этот район.

– Я подскажу, куда ехать. Прямо, направо... Потом налево. Ничего сложного. С этим справится даже дрессированная мартышка, – скалится грубиян, разваливаясь в кресле поудобнее.

– Но меня ждут дома, – несмело возражаю.

– Справишься с простейшим заданием – доставлю тебя мамочке и папочке целой и невредимой. Будешь тупить... – сощуривает дьявольски прекрасные глаза. – Свистну парням – они любят объезжать хороших девочек!

От угроз мне становится не по себе. Похоже, что у меня просто нет выбора...

Глава 4. Тихоня

Вымолвив несколько угроз, Акула собирается опустить спинку сиденья пониже.

Этого не стоит делать! Она держится только в одном положении. Когда хулиган нажимает на рычаг и давит спиной, чтобы откинуться назад, кресло поддается его усилиям – очень сильно и быстро поддается! Попросту говоря – падает назад.

– Что за дерьмо? – выдыхает парень, клацнув зубами от неожиданности.

Я мельком смотрю на него. Из-за того, что он рухнул назад, его футболка задралась, обнажив пресс. Упс... Моему взгляду открылся просто идеально-твёрдый пресс с выпуклыми кубиками и косыми мышцами, уходящими в джинсы. Они сидят на парне так низко, что выглядывает даже резинка нижнего белья. Несмотря на ситуацию, в которой оказалась, я не могла не рассмеяться над озадаченным выражением лица парня. Он барахтается на кресле, как жук, перевернутый на спину, и не может подняться. Ведь чёртов механизм не работает, а парень крепко пристёгнут.

– Не ржи, как лошадь. Тебе не к лицу, – грубит уличный хам. – И смотри на дорогу или поцелуешь жопу тачки, ползущей спереди.

Ой. Чёрт. Я чересчур засмотрелась на парня. И из-за слёз, выступивших на глазах от смеха, неверно оценила расстояние до машины, остановившей впереди на красный свет светофора.

Хулиган прав – я вот-вот врежусь в бампер и увеличу количество проблем, а их и без того немало! Я резко нажимаю на тормоз. Акула в это время уже отстегнул ремень безопасности и пытается поднять кресло. Мой «Форд» послушно тормозит. Даже чересчур послушно – машина встаёт, как вкопанная. Слышится знатно громкий треск – от резкой остановки Акулу приложило лбом о приборную панель.

– Срань преисподней! Ты чё, водить не умеешь?! – ревёт разъярённым гризли хулиган.

– П-п-прости... – шепчу, прикусив губу.

Если на лбу Акулы вылезет здоровенная шишка, он отыграется на мне. Хулиган изрыгает поток грязных ругательств. Я нервно постукиваю пальцами по рулю, дожидаясь, когда загорится зелёный.

– Первый поворот налево, – командует грубиян, добавляя ехидно: – Налево, блин, это в той стороне, где сижу я!

– Я в курсе! – возражаю пылко. – Я вообще-то уже окончила школу! Я поступила в колледж! – добавляю для чего-то. – Знаю, что такое налево и направо!

Я начинаю пререкаться с ним и даже немного злюсь. Это очень странные ощущения, ведь я должна опасаться этого накачанного хмурого парня. И я его боюсь до дрожи, аж сердце ёкает и болтается в районе горла. Но мой непослушный язык несёт всякую чушь и делает это быстрее, чем я могла бы приказать себе заткнуться.

– Да плевать мне, где ты учишься! Хоть в воскресной школе у монашек! Рули давай. Налево, не проворонь!

Я следую указаниям хама, нервничая ещё больше от того, что мы углубляемся в спальные районы неблагоприятного квартала. Что если я доставляю саму себя прямо в какой-нибудь притон на потеху уличной банде?

– Не скули, как шавка побитая.

– Я не скулю, – цежу сквозь зубы.

– О нет, ты поскуливаешь. Когда думаешь, что я не слышу...

Грубиян обращается ко мне, но смотрит не на меня, а пялится по сторонам. Меня словно нет в салоне, и это здорово напрягает.

– Как скоро я смогу уехать?

– Так скоро, как я разрешу!

Хам соизволяет посмотреть на меня прямым долгим взглядом, пронизывающим насквозь. Возникает странное ощущение – у меня покалывает позвоночник, а в животе дракон плюётся жидким огнём – иначе чем оправдать необъяснимо сильный жар внутри?

– Теперь направо, чика... И не гони, скоро остановка.

– Почему тебя называют Акулой? – спрашиваю, чтобы немного отвлечься.

– Ты действительно хочешь это узнать, а? Маленьким чистоплюйкам вроде тебя лучше держаться подальше от таких, как я.

Я не успеваю ничего возразить или опровергнуть – ладонь хулигана бесстыдным образом переползает на моё колено. У него сухие и горячие ладони. Их жаром опалает даже сквозь плотные джинсы. Во рту становится сухо. Я едва выдавливаю из себя:

– Убери руку.

– Стой! – выдыхает на ухо. – Останови тачку. Прямо здесь, – и нажимает на моё колено пальцами.

Они у него из стали, что ли? Я сижу, едва живая, потерявшая дар речи. Пульс ускоренно бьётся в ушах, а хулиган не торопится снимать свою крепкую ладонь с моей ноги. Но потом медленно отнимает её.

– Не ссыкай от страха, тихоня. На тебя у меня не торчит, – гнусно хмыкает парень. – Очень надо лапать твои тощие бледные колени, – презрительно кривит свои полные красивые губы. – Просто опять не дожмёшь сцепление, и потом будут проблемы со стартом. Сиди здесь! Жди!

Он выбирается из машины и громко хлопает дверью. Дважды. Да, мой старик «Форд» непослушен и бунит, показывая, что мы не очень довольны навязавшейся компании. Я содрогаюсь всем телом от каждого громкого хлопка под грязный и отборный мат хулигана. Лишь с третьего раза парню удаётся закрыть дверь.

Я смотрю вслед удаляющемуся хулигану. Он высокий и широкоплечий, у него энергичная походка человека, знающего, чего ему хочется.

– Сиди здесь... Жди, – бурчу себе под нос. – Мистер Хамло, я тебе не таксист! Вызови... вызови Uber! Хотя никто не отважится сунуться в эту вонючую и грязную дыру.

Сейчас, когда парень отошёл, я позволяю себе быть смелой и даже немного остроумной. Я решаю, что моя миссия выполнена, и хочу просто свалить отсюда.

Мы проехали не так много и свернули всего дважды. Надеюсь, что не заблужусь в этом квартале. Но пальцы у замка зажигания хватают лишь пустоту.

- Чёрт! Не может этого быть!

Я наклоняюсь, чтобы проверить – вдруг ключи просто упали? Но нет. Там пустота. Бью от злости кулаком по рулю – Акула стянул ключи. Вероятно, в тот самый момент, когда лапал моё колено и дышал на ухо. Вот тогда и стащил, а я... растеклась, как клубничный джем, и ничего не заметила.

Я злюсь на саму себя. Начинает звонить мой телефон. Старший брат. Снова. Я не могу ответить ему прямо сейчас, ведь он начнёт спрашивать, где я торчу. Я просто ставлю телефон на беззвучный режим и прячу в карман. Как можно дальше.

Надеюсь, что мои почти-ночные приключения на этом закончатся.

Но как бы не так.

Оказывается, это было лишь самое начало...

Глава 5. Акула

Оставив девчонку в машине, отправляюсь к Питу, чтобы забрать у него пушку. Этому придурку точно не стоит держать в руках огнестрельное оружие. Пит – мой кузен по материнской линии. Несмотря на то, что отношения у нас не самые тёплые, он всё-таки часть моей семьи. Когда кто-то из твоей семьи вот-вот вляпается в большие неприятности по самые яйца, ты просто обязан предотвратить катастрофу. Иначе она раскатает тебя по поверхности грязного, заплёванного асфальта квартала Чёрных Псов. О, а потом эта наглая мисс придёт и по твою душу, потому что ты – часть семьи того придурка, решившего украсть пушку у одного из главарей банды.

Мало того, что Пит спёр пушку, так ещё и прихвастнул этим. Тупица. Кретин. Молокосос... Клянусь его последними словами, пока перебежкам добираюсь до

хаты, где, по словам одного из приятелей Пита, устроена вечеринка. Немного злюсь, что пришлось втянуть белокожую мартышку – она явно не из нашего района. Но... оставить её на потеху ублюдкам было бы куда хуже. Не понимаю, что прикольного в том, чтобы тёлочка визжала от страха, вырывалась, пускала слёзы и сопли. Гораздо веселее, когда эти малышки сами отдают тебе свои трусики и просят как следует отлюбить.

Походу, вечеринка собирается вот в том доме. Одноэтажный пошарпанный коттедж светится, как рождественская ёлка. Музыка басит и бьёт по барабанным перепонкам. Чем ближе я подхожу к коттеджу, тем больше понимаю, что Пит отрывается по полной. Возможно, забрать у него ствол и вернуть Бигги будет сложнее, чем я думал. Я носом за полмили чую, что на этой вечеринке льются реки дешёвого пойла, а дым от раскуриваемой травки валит клубами из приоткрытых окон.

Так и есть. На загаженной лужайке, которой не помешала бы встреча с газонокосилкой, валяются несколько укуренных в смерть придурков, ржущих, как цирковые лошади. Распинав одного из них, кричу в лицо вопрос:

– Где Пит?

– Э-э-э... Бе-е-е-е... Ме-е-е-е...

Баран. Реальный укуренный баран. Второй приятель издаёт такое же бляение. Лишь от третьего парня мне удаётся добиться едва разборчивого бормотания, что Пит находится на заднем дворе и жарит барбекю. Я направляюсь напрямик туда, расталкивая локтями гостей кузена. Их невероятно много. Потолкавшись как следует, выбираюсь на задний двор. И, походу, мой кузен собирается жарить не барбекю – мясо уже обуглилось – но какую-то рыжеволосую цыпочку, вяло отбивающуюся от его приставаний.

Без всяких церемоний отшвыриваю прочь девицу и встряхиваю кузена. Его пьяные глаза с трудом фокусируются на мне.

– Аку-у-у... ик... Акула, здорово! – выдаёт он с третьего раза. – Я звонил тебе, ты не брал трубку. Давай тусить с нами? – Пит обхватывает меня за плечи и пытается подвести к садовому столику, на котором высится пирамида из алюминиевых пивных банок. Кретин настолько пьян, что пытается взять нижнюю

банку. Я бью его по руке и выворачиваю ухо. – А-а-а-ай! Ш-ш-ш-ш... Больно же! – воеет кузен. – Чувак! Остынь... Ну же, да что с тобой?

– Что со мной?! – рычу ему на ухо. – Что с тобой, дурила?! Стащил пушку у Бигги? Ты хоть знаешь, что за это будет, а?! Какого чёрта ты вообще делал там?!

Вокруг собираются любопытные. Я не хочу устраивать разборки и сыпать сведениями при посторонних, хватаю кретина покрепче и утаскиваю в сторону пустующего летнего домика.

– Всё путём! Всем... всем выпивка за мой счёт! – щедро обещает Пит, едва передвигая ногами. В ответ слышится довольный гул. Кто-то прибавляет громкости музыки. От грохота басов даже земля дрожит под ногами. – Акула, ну чё ты? – успеваю сказать Пит, прежде чем я заталкиваю его в пустующую комнату летнего домика.

Пит впечатывается лицом в стену, а потом я подлетаю к нему и прикладываю его ещё разок.

– Что. Ты. Творишь?! Где ствол, а? Где он?! – Пит едва шевелит языком, но бешено вращает глазами и движется боком, пряча от меня свой зад. Я догадываюсь, что он прячет пушку именно там – за резинкой джинсов. – Вообразил себя крутым? – Пит бросается наутёк. Я настигаю его в прыжке и, заломив, выдёргиваю ствол. – Это не игрушки, дурень!..

Пит приваливается к стене, опирается на колени руками и смотрит на меня исподлобья, тяжело дыша.

– ...Отвечай. Как ты стащил ствол у Бигги?..

Холодная сталь пистолета лежит в ладони приятной тяжестью. В ней чувствуется власть, опасность и возможность разить без промаха. Вероятно, то же самое почувствовал Пит, поэтому поддался соблазну.

– ...Рассказывай. Живо!

Пит поднимает ладони в защищающемся жесте:

– Остынь, эй! Остынь, ладно?! Я расскажу! Всё расскажу! – он шмыгает носом. – Один из парней Бигги предложил халтуру – постоять на стрёме, пока они обчищают ломбард на углу Четырнадцатой и Семнадцатой. Ну я и стоял возле тачки, караулил. Потом парни поехали сгружать добро. Я снова был на стрёме. Впервые побывал у Бигги на одной из точек. И тут увидел пушку. Она валялась на полке. Понимаешь? Ну, просто лежала без дела. Я решил просто подержать её в руке. Такая игрушка, ц-ц-ц-ц! – щёлкает языком, но, заметив, что моё терпение на исходе, ускоряет речь: – Я просто хотел подержать её в руке, а потом услышал, как парни возвращаются, и спрятал ствол под толстовку. Мне заплатили бабла и сказали убираться. Вот и всё!

– Почему не вернул пушку, кретин?

– Не знаю. Просто не подумал об этом.

На лице кузена написано искреннее недоумение. Ему всего пятнадцать, и банда тянет его на дно. Он уже лезет в криминальные делишки, а подельник Бигги – Дурила Майк – тварь, каких поискать. Он выцепляет с улиц квартала таких доверчивых лошков, как Пит, втягивает их в дела, поёт о крепких узах криминальной семьи, но когда дело начинает пахнуть жареным, без раздумий бросает парней в самое месиво. Подставляет их, как глупых щенков.

Вот и Пит попался. Дурак.

– Зачем ты прихвастнул, что пушка у тебя?

– Это не я, честно. Может, Дик или Поззи... Кто-то из них увидел и растрепал. А что такого?

– Ты стащил пушку одного из главарей. И спрашиваешь, что такого? Ты вообще не сечёшь, да? Бигги мог завалить из этой пушки кого угодно! Да того же копа! Попадись ты с ней – всё повесят на тебя. Вот что... – ударяю Пита ещё раз, чтобы до кретина, наконец, дошло, из какого дерьма я пытаюсь его вытащить. – Бигги дал приказ Дуриле Майку отыскать ствол. Знаешь, почему он не чешется? Да потому что Дуриле выгодно, чтобы ты попался. Болван!

До Пита, наконец, доходит смысл моих слов.

– Я не подумал...

– Ты никогда не думаешь! – рычу я. – Никогда!

Осматриваю ствол. Чёрт. Он заряжен и даже не на предохранителе. Я ставлю его в безопасное положение и прячу себе под футболку.

– Я верну ствол. Но впредь думай, прежде чем делать. И если тебе ничего умного не приходит в голову, набери номер своего брата, идёт? Я потолкую с тобой за жизнь и дам ценный совет.

Пит отряхивает свою одежду и кивает, идя за мной на выход. Внешний его вид выражает полное смирение и согласие с моими словами. Но стоило мне шагнуть на дорогу перед домом, он останавливается и кричит в мою сторону.

– Дашь ценный совет? Засунь его себе в жопу! – двоюродный брат разворачивается ко мне спиной и приспускает штаны, оголяя свой зад.

Я действую быстро. Выдернуть ствол, снять с предохранителя, нажать на курок.

Пуля ударяет в газон рядом с ногами Пита. Он, взвизгнув, как испуганная свинья, падает на четвереньки и ползет с голой задницей в сторону дома. Плевать. Пусть делает, что хочет. Пора вернуться к тачке, заглянуть к Бигги и потом доставить белокожую мартышку в её хороший райончик.

Но, не дойдя до тачки, я понимаю, что дело дрянь. Вокруг тачки толкуются трое парней, а четвёртый, положив руки на капот, раскачивает машину. Я даже издали понимаю, что девчонка, сидящая внутри, на грани истерики.

Глава 6. Акула

Ускоряю шаг, насколько это возможно. Глядя на рожи ушлёпков, понимаю, что силы не равны. Даже самому младшему из них больше двадцати, у двух видны ножи. Придётся пошуметь.

– Раскачай малышку! Давай же...

– Воу-воу! Тебе нравится, крошка?

– Смотри, эта тачка развалится на болты под тобой, Джонни!

Ублюдки захлёбываются ржачем и сильно увлечены. Даже не замечают меня, направляющегося в их сторону. Остановившись в нескольких футах от них, достаю ствол и окликаю придурков громким свистом. Они сразу останавливаются и дружно поворачиваются в мою сторону.

– Отойдите от тачки.

– О, парни. Зырьте... Малёк объявился, – сплёвывает зелёный харчок на землю тот, что на полголовы выше всех остальных. – Чё надо? Иди, куда шёл.

– Иду. Но вижу, как ваши тупые туши лапают тачку моей подружки...

Последние слова я говорю, скривившись внутренне от сказанного. Девчонка – ни хрена не моя подружка. Не в моём вкусе – слишком чистенькая и наверняка ещё целочка. Но впрягаться за чужаков у нас на районе не принято. Так что пусть эти кретины считают, что тронули моё – быстрее свалят.

– Это твоя подружка? – с интересом спрашивает парень в чёрной толстовке. – Красивая мордашка. Пухлые губки. Умелые? – двигает языком за щекой, намекая.

Поднимаю ствол повыше, потом резко опускаю и нажимаю на курок. Трое дружно подпрыгивают на месте.

– Иди, – киваю в сторону древнего «Форда». – Проверь.

– Остынь, Малёк, – просит тот, что молчал до сих пор.

Кажется, его зовут Барнс. Видимо, он за старшего у этой троицы.

– Проваливай. И забирай своих друзей...

Хочется добавить ещё, что я давным-давно не Малёк – так меня звали, когда я был мелким и отставал в росте от сверстников. Многие думали, что меня можно шпынять, но, получив пару ударов по рёбрам или по зубам, понимали, что ошиблись, и проваливали.

Свалят прочь и эти.

– Ладно... Забирай свою тёлочку. И не оставляй её без присмотра... – цедит через зубы Барнс, добавляя: – Аппетитная.

Они нарочно медленно уходят прочь. Показывают, будто уходят сами, по своему желанию, а не убегают, поджав хвосты, словно трусливые шавки. Жду, пока они отойдут на приличное расстояние, и только потом ныряю в тачку. Внутри сосёт неприятное чувство вины. Я ощущаю его не очень часто, но сейчас меня накрывает с головой – я втянул девчонку в это дерьмо. Мне просто хотелось воспользоваться подвернувшейся тачкой, пока байк торчит на ремонте. Самое поганое, что у крошки может начаться реальная истерика, а я не знаю, как поступать в таких ситуациях. Обычно я имею дела с девками попроще – они закалённые и из нашего района, видели многое и лежали не под одним чуваком. Одним словом – потёртые, и опытные даже лет в пятнадцать. А что делать с этой чистоплюйкой, смотрящей на меня огромными карими глазами, дрожащими от слёз, я не знаю.

Увидев ствол в моих руках, она вздрагивает всем телом.

– Мама... – тихо выдаёт.

– Не надей в штаны! – грубовато выходит. Я разряжая пистолет, доставая магазин. – У тебя в тачке есть салфетки и бумажный пакет?

После моих слов кроха бледнеет ещё больше и оглядывается по сторонам.

– Т-т-т-ты кого-то убил? Хочешь стереть отпечатки пальцев с орудия преступления?

Вот же дерьмо. Она даже говорит невероятно чисто и правильно. Внутри невольно поднимается глухая волна раздражения на таких, как она – на их правильные речи, благопристойные фасады домов, сытые дни и спокойные ночи...

– Убил, – говорю коротко. Слышу судорожный вздох. Добавляю: – Бы. – Вижу, что девчонка не догоняет, объясняю со вздохом недовольства. – Из этой пушки кто-то вполне мог убить и огрести неприятностей. Я просто хочу вернуть ствол владельцу, не оставив на нём своих пальчиков. Усекла? – Девчонка кивает осторожно, но смотрит на меня с небольшим недоверием. Я не милый щенок и не рождественский подарок, чтобы нравиться с первого же взгляда. – Если усекла, дай салфетки и найди мне бумажный пакет! – командую.

Ступор покидает тело тихони – так я называю её про себя. Не знаю, как зовут эту девчонку, но невольно вдыхаю полной грудью воздух салона и чувствую её аромат. Чёрт побери, от неё так вкусно пахнет чем-то ванильным – духами или, может быть, лосьоном для тела. Этот аромат напоминает мне запах печенья в лучшей из кондитерских. К стыду своему, я обожаю ванильное печенье и готов лопать его без остановки. Во рту не к месту выделяется слюна. Пока девчонка, перегнувшись, роется на заднем сиденье, я некстати отмечаю плавный изгиб бёдер и небольшую, но крепкую и чертовски аппетитную попку. Тихоня оттопырила её так призывно, как будто готова насадиться на мой штырь. Который, к слову, внезапно ожил в штанах.

И это не хорошо. Нет, блин, это совсем не хорошо. Я должен держаться подальше от таких тихонь – снаружи они сладкие и милые, кажутся легкодоступной целью. Но стоит нырнуть в них в трусики, как проблем не оберёшься. Нет уж, спасибо. В моей жизни и без того хватает дерьма, которое нужно разгребать огромной снеговой лопатой. А ещё лучше – нанять специальной комбайн, чтобы разом вывезти весь мусор на свалку.

– Вот. Держи...

Крошка протягивает мне упаковку влажных салфеток. Они пахнут кокосом и добавляют плюс один пункт к моему мнению, что от этой Тихони пахнет, как от кондитерской фабрики. Я вытираю ствол влажной салфеткой, потом насухо протираю бумажным платочком – снова с каким-то сладким ароматом – и только потом сую пушку в пакет с логотипом магазина косметики.

– Вылезай из машины.

Кроха сжимает пальцы на руле до побелевших костяшек. Она смотрит на меня с недоверием и ужасом, а в глазах собираются океаны солёной влаги. Нижняя губа начинает дрожать. Она пышная и аппетитная, как лакомство. Красная, как барбарис, и кажется соблазнительной – такие губёхи приятно всасывать в рот, терзая зубами.

– Ты бросишь меня здесь? – спрашивает с дрожью в голосе. – Угонишь мой автомобиль?

Что? Как ей в голову могла прийти подобная чушь?!

– Вылезай. Я поведу сам! Ты заплутаешь, и даже мои подробные инструкции не помогут. Ну же! – прикрикиваю и вылезая первым.

По-джентльменски придерживаю перед Тихоней дверь, но захлопываю поскотски громко. Плюхаюсь на водительское сиденье. После истории с соседним креслом я не решаюсь отрегулировать кресло водителя по высоте или сдвинуть его, чтобы не упираться коленями в руль.

– У этого кресла тоже есть сюрприз?

Кроха улыбается сквозь слёзы и отрицательно мотает головой.

– Нет. Это кресло водителя. Оно должно быть идеальным...

Я настраиваю его под себя. Удивительно, но обходится без фокусов. Завожу древний «Форд». Он фырчит и издаёт серию разных звуков – от охов до почти откровенного пердежа, прежде чем трогается с места.

– Кстати, я бы не стал угонять это ржавое корыто... Слишком убогое.

В ответ на мою реплику Тихоня поджимает пышные губёшки. Пока «Форд» катит по затемнённым улицам квартала, она оглядывается по сторонам, изредка бросая на меня взгляды исподтишка. Потом достаёт телефон и с протяжным вздохом прячет его обратно.

– Мамочка тебя потеряла?

– Старший брат, – возражает девчонка. – Ты меня задерживаешь. Мне не поздоровится.

– Скажешь, рухлядь сломалась. Причём, не соврёшь, – пожимаю плечами. – Делов-то!

– О, ты специалист по вранью, конечно! Мне стоит поучиться у тебя!

В голосе красотки появляются нотки надменности. Они напоминают мне как нельзя лучше, почему я предпочитаю держаться подальше от таких, как она – считающих людей из бедных кварталов людьми второго или даже третьего сорта.

– Тебе есть чему у меня поучиться. Ты не знаешь, что такое реальная жизнь, чика.

– Да неужели?! – искренне изумляется девчонка.

– Рассказать, как это происходит у таких, как ты?

– О, ну попробуй! – просит Тихоня и устраивается поудобнее, глядя прямо мне в глаза.

– Ты живёшь в квартале для белых цыпочек. Твоя мамаша готовит тебе завтраки и даёт карманные деньги на кафе. Твои отметки не опускаются ниже «А-». Преподаватели в колледже тебя обожают. Судя по твоей фигурке и прокачанному орешку, ты пляшешь с дурацкими помпонами в команде поддержки, да? – криво ухмыляюсь, продолжая: – После занятий ты прогуливаешься по магазинам, спуская родительские денежки, треплясь попутно с такими же пустышками, как ты сама. Так пролетает целый день. Потом ты возвращаешься в свой опрятный домишко. Папаша перед ужином, протирая запотевшие очки, берёт всех за руки и просит прочитать молитву благодарности сраному боженьку за вкусную еду и уютный кров. Потом вы набиваете свои брюха первосортной хавкой – сплошь правильной, без лишних вредных углеводов и жиров. После ужина вы отправляетесь по своим

прелестным кроваткам. Могу поспорить, что у тебя комната розово-блевно-барбишного цвета, а трусики – с бантиками, рюшами и подвеской в виде киски. Ты переписываешься перед сном с каким-нибудь мажористым метросексуалом, укладывающим волосы гелем. В это же время папаня пыхтит над твоей мамкой. Она старается издавать довольные охи и ахи, но тихо, чтобы не разбудить тебя и всех остальных домочадцев...

Я порю первосортную чушь. Но девчонка выбесила меня своим вздёрнутым носиком и чистоплюйской речью. Хотя меньше минуты назад она готова была рыдать! Быстро оправилась от шока, горделивая сучка...

– ...А на Рождество вы надеваете одинаковые ублюдские свитера с оленями бордового цвета и фоткаетесь возле наряженной ёлки. Ты считаешь это идеальной жизнью? Чика, – грязно усмехаюсь. – Ты не знаешь, что такое реальная жизнь. Я прав?

Во время моей отповеди девчонка вытягивается по струнке. Потом она бросает на меня быстрый взгляд. Но я не могу понять, что выражают её глаза. Понимаю только, что её вид раззадоривает ещё больше. Я близок к тому, чтобы остановить тачку и наброситься на эту кроху, разложив её на заднем сиденье. Никогда не желал взять девчонку силой, но на этой меня начинает клинить...

Глава 7. Акула

– Я прав? – голос звенит от напряжения.

Желание зудит во всем теле, особенно в колоколах, сильно опухших за считанные мгновения. Не помню, чтобы меня так сильно штырило в последнее время.

– У меня только один вопрос, Акула, – говорит безжизненным голосом. – Почему ты подчёркиваешь, что я белокожая? Ты и сам из белых. Возможно, чуть более смуглый и загорелый, чем я.

– Это всё, что ты хочешь спросить?

– Я уже спрашивала, что хотела. Когда я смогу уехать? Это всё, что я хочу...

Мой голодный взгляд крадётся по её юной стройной фигуре, затянутой в красивые шмотки. Их приятно будет сдирать, рвать в клочья зубами, а потом ставить метки по всему телу, клеймя белоснежную кожу. Встряхиваю головой, прогоняя туман наваждения. Ведьма, блин! Околдовала меня и заставила думать о грязных – имею в виду, по-настоящему грязных – вещах! Я преступно много думаю о том, что район – неблагополучный. Насилие случается на каждом шагу. Если я возьму и нагну эту девчонку, взяв своё, потом на неё лишь посмотрят с крохотной толикой сочувствия. Скажут, сама виновата. Хорошим цыпочкам нечего делать в квартале Чёрных Псов.

На её счастье, тачка приезжает по нужному адресу. Я торможу и выхватываю бумажный пакет из рук Тихони. Она отдаёт его быстро и даже вытирает пальцы о тёмно-зелёные брючки, как будто спешит оттереться от грязи. Этот жест бесит меня ещё больше.

Клянусь, я заезжу её до визгов и сорванного к чертям голоса. Наверняка этой малышке едва исполнилось восемнадцать. Если так, то она младше меня на пару лет. Всё равно она довольно взрослая, чтобы знать – нельзя дразнить зверя. Но сначала нужно вернуть пушку Бигги.

Хлопаю дверь со всей дури, направляясь к гадюшнику, где заседает один из главарей уличных банд. Дом огорожен высоким забором. Я нажимаю на звонок, а в ответ слышится надрывный лай. Говорят, во дворе у Бигги тренированные злые доги, готовые вырывать куски мяса из глотки. Поневоле холодок крадётся по спине. Но я держусь спокойно и подхожу к видеодомофону, когда раздаётся хриплый вопрос:

– Кто?

Я в двух словах обрисовываю ситуацию. Через минуту распаивается калитка, и здоровенный бугай, в котором жира больше, чем мяса, ведёт меня внутрь дома.

Тут накурено и играет музыка. Реп грохочет из колонок, в одной из комнат рубятся в приставку. В другой – играют в карты или дымят кальяном с травкой. Пытаюсь сдержать подкатывающую дурноту. Не люблю тех, кто балуется травкой. Не перевариваю совершенно. За закрытой дверью третьей комнаты

слышатся сдавленные стоны и довольный мужской смех. Типичная туса для нашего района, одним словом.

Сам Бигги – наполовину мексиканец, сидит на кожаном диване перед огромной плазмой, транслирующей бои. Рожа у него зверская и настолько ублюдская, что даже меня немного передёргивает от омерзения. По две стороны от Бигги сидят две продажные девицы, шарящие по его телу пальцами.

– Зачем пришёл? – спрашивает Бигги, прогоняя проституток взмахом руки.

– Хочу вернуть тебе то, что прибрал к рукам Пит.

– Пит – это тот жалкий обсос, которого должен был проучить Дурила? – уточняет Бигги, затягиваясь сигарой. – Угу, кажется, он.

– Я добрался до Пита быстрее Дурилы. Пушка здесь, – протягивая картонный пакет.

Тучный мужик, разумеется, не делает ни одного движения в мою сторону. Мне приходится самому сделать пару шагов к главарю. Ныряю в бумажный пакет.

– Стой! – слышится резкий окрик сзади, а на горло нажимает острое лезвие ножа.

– Дурии-и-ила явился! – довольно улыбается главарь шайки. – Проверь пушку, Майки.

Дурила отбирает у меня пакет и вытряхивает его на стол. Проверяет ствол, магазин, щёлкает затвором.

– Не хватает пуль, – бросает злобный взгляд в мою сторону, скаля зубы, пожелтевшие от курева.

– Я выпустил их сам. Одну – у дома Пита. Придурок вёл себя неуважительно.

– А вторую? – уточняет Бигги, подаваясь вперёд. – Ты же не хочешь пометить мою пушку чем-то грязным, а? Я не хочу, чтобы потом у копов на баллистической

экспертизе всплыл мой ствол.

– Нет. Я шугнул придурков. Они немного напугали одну цыпочку, подбросившую меня к вам.

Повисает тишина. После недолгих раздумий Бигги выдаёт:

– Мне нужны гильзы. Тогда... я сделаю вид, что ничего не произошло. Но на тебе будет всё равно висеть кое-какой должок. Дурила, объясни ему, что к чему! И пусть уже убирается из моего дома. У меня сегодня вечеринка!

Меня выталкивают взащей, словно щенка. Я мог бы вломить Дуриле пару раз и даже встал бы в спарринг с ним. Но мне не стоит этого делать. Я должен радоваться, что всё обошлось. Так быстро и просто.

Но не успеваю я обрадоваться, как резкая боль дважды вонзается мне в живот. Полосует, словно когти льва. Стону, дёргаясь. Но Дурила удерживает меня за плечо и приставляет окровавленный клинок к шее:

– Не думай, что легко отделался. Мы давно следим за тобой, Акула... – презрительно выплёвывает это прозвище. – Ты корчишь из себя своего парня, но отказываешься помогать братьям. Нехорошо... Оч-ч-чень плохо! Теперь ты будешь работать на Бигги. Выполнять его поручения.

– Я не...

– Заткнись! Хочешь остаться чистеньким? – выдыхает пары прокисшего дыхания мне в лицо. – Не выйдет. На тебе висит десять кусков. Отработаешь!

– Десять? – цепенею от ужаса.

Десять тысяч зелёных! Это огромная куча бабла. Откуда мне взять такую гору деньжищ?!

– Отработаешь, – хрипло смеётся Дурила и, потрепав меня по щеке, выталкивает за пределы двора, закрывая калитку.

Боль на некоторое время покидает моё тело. От шока и неверия, наверное. Не делай добра – не получишь зла. Вот так, блин. Хотел выручить Пита – вляпался сам в дерьмо!

Теперь у меня на руках висит девчонка из другого района, а я довольно серьёзно порезан. Лишь бы добраться до тачки и не отрубиться...

Глава 8. Акула

Я бреду в сторону тачки, придерживая ладонью рану. Дурила порезал меня несильно – органы точно не задеты. Но рана противная: длинная и довольно глубокая – мне придётся довольно несладко. Надо зашить ее, но в больницу соваться нельзя – местные врачи сразу же шепнут пару слов дежурным копам. Нет-нет, только не в больницу. Придётся навестить Лану – одну из бывших. Мы вроде как разбежались, после того как я застал её с другим. Но она учится на медика и умеет латать резанные раны.

Я добредаю до машины и с трудом открываю дверь.

– Давай, мелочь. Ныряй за руль, – прошу, опёршись о дверь машины.

С окровавленных пальцев стекают красные капли. Падают вниз, разбиваясь.

– О мой бог... Тебе надо в больницу! – выдыхает Тихоня, но исполняет мой приказ, переползая с пассажирского сиденья на водительское.

Я плюхаюсь мешком на сиденье и протягиваю крохе ключи. Желание нагнуть девчонку и отодрать во все отверстия пропало. Хочется лишь одного – быть подлатанным и отоспаться. Да. Только этого. Потом решу, как быть. Может, удастся найти бабки другим путём, не хороня себя в тёмных делишках банды.

– Где здесь больница? Здесь, вообще, есть больница? – спрашивает Тихоня, заметно нервничая.

Я хватаю её окровавленными пальцами за запястье, сжимая изо всех сил.

– Слышь, ты... Я сказал – никаких больниц! Поезжай, куда скажу! Или не доберёшься до дома никогда! – рычу разъярённым зверем, жадно вглядываясь в лицо девчонки.

Оно кажется мне сейчас ещё более чистым и по-особенному красивым. Как будто не из моего мира. Вообще-то, так и есть. Она – небо. А я – земля. Грязь под ногами. И наши параллельные миры никогда не пересекутся.

Девчонка послушно управляет ржавым корытом. Держится крепко за руль и покусывает нижнюю губу жемчужными зубками. Терзает почти до крови. Мне кажется, я начинаю отъезжать в сторону. От крови намочла футболка и залило джинсы. Единственные мои, чёрт подери, нормальные джинсы!

Набираю номер Ланы, едва не теряя сознание. Она отвечает только после пятого звонка, когда древний «Форд» уже тормозит возле развалюхи, где живёт бывшая.

– Лана, ты у себя?

– Да, Алекс. Хочешь завалиться? – хихикает, явно навеселе. Накурилась травки? – Давай, повеселимся вместе!

– Я у твоего дома, – гляжу на окна, светящиеся жёлтым. – Вываливайся. Нужна твоя помощь.

Я выбираюсь из тачки, продолжая терять кровь. После такого ранения придётся проваляться в постели день или два, чтобы восстановиться. Стучу кулаком по двери, привалившись плечом к косяку. Слышны торопливые шаги – Лана спешит мне открыть.

Но есть же ещё Тихоня. Вот я влип, блин. Поворачиваюсь и машу ей ладонью – типа, можешь валить. Но потом замечаю, какие огромные и перепуганные у неё глаза. Эта малявка точно заблудится в нашем квартале, если отправить её одну.

– Вылезай! – командую ей. – Не испытывай моё терпение. – Хлопает дверь. Тихоня выбирается из машины и обнимает себя за плечи, подрагивая. – Сейчас меня заштопают, и потом я выведу тебя на трассу. Сможешь свалить прочь... –

еле ворочаю языком.

Начинаю отъезжать. Малышка вовремя подставляет плечо, придерживая меня. Отчаянная малышка. Где такие берутся? В момент, когда Тихоня замирает возле меня, дверь распахивается. На пороге дома стоит Лана – короткая чёрная юбка обтягивает прекрасные загорелые бёдра. Если она сядет, её упругая задница будет оголена почти полностью. Лана перебрасывает через плечо копну тёмных, как ночь, волос.

– Привет большой Акуле! – начинает игриво, поигрывая кулоном в виде черепа, болтающимся на шее. Но потом, заметив Тихоню, шипит, как кошка. – Что за тёлка?

– Я одолжил у этой белозадой тачку. Взял погонять. Меня порезали... – Лана переводит взгляд вниз, глуповато хихикая. Обкурилась, дурында. – Ну?! Ты сможешь мне или будешь торчать на пороге?!

Собравшись с последними силами, отлипаю от Тихони. Грубо двигаю Лану плечом и вваливаюсь внутрь её хибары. В нос ударяет запах травки. Лана, помедлив всего секунду, отправляется следом за мной и кивает на продавленный диван в гостиной:

– Сядь. Я принесу всё необходимое.

Сажусь, преодолевая боль. Потом осторожно отклоняюсь и пытаюсь стянуть с себя футболку, морщась от укулов агонии. Тихоня стоит в дверях. Она обводит взглядом комнату и останавливается на мне.

– Тебе нельзя так дёргаться, – замечает она, наблюдая за моими попытками снять футболку. – Проще разрезать.

– Завались. Я не спрашивал твоего экспертного мнения, – грубо обрываю, потому что даже сейчас заносчивая мартышка решает поумничать и указывает мне, что делать! – В гостиной появляется Лана, неся прозрачный пластиковый ящик с аптечкой. Она присаживается рядом на низкий пуф и начинает перебирать его содержимое. – Давай, детка, заштопай это дерьмо, – прошу, сжав колено Ланы.

Она наклоняется надо мной, потеревшись сиськами о лицо, чтобы достать бутылку спиртного, припрятанную за одной из диванных подушек.

– Анестезия, Акула, – и отхлёбывает первой, протягивая пойло мне.

Потом я наблюдаю за ее попытками продеть нить в иглу. Лана порядком обкурившаяся, и поэтому у неё ничего не выходит.

– Да ладно, упрямец! – всплёскивает в ладоши Тихоня. – Ты влип в большие неприятности! Тебе надо в больницу! Твоя подружка обкурена... Как у вас говорят... в дым! Она даже пуговицу не сможет застегнуть, не говоря уже о большем.

– Умолкни, – цежу сквозь зубы. – А если ты такая ловкая, то просто продень нить!

Тихоня топчется на месте пару секунд, потом решительно пересекает гостиную и с брезгливым выражением на смазливом личике садится на диван, отбирая у Ланы коробку. Быстро выкладывает на стол всё необходимое.

– В этом доме есть ванная с водой и мылом? Нужно помыть руки, прежде чем браться за дело!

Мне охуеть как больно. Но я не могу не посмеяться над решимостью Тихони. Да она же хлопнется в обморок, как только увидит рану вблизи...

– Спорим, что ты облажаешься? – спрашиваю ее.

Интересно, как зовут эту крошку с тёмными глазами? Хочется узнать её имя. До одури. Но я пресекаю эти мысли-сорняки. Валите на хрен из моей башки! Вон!

– Если ты будешь вести себя, как козёл, то я облажаюсь нарочно! – сердито отвечает Тихоня. – Или, может быть, мне стоит посидеть без дела? Буду смотреть, как подружка зашивает тебе всё, что угодно, кроме раны... И что ты решил?

– Лана, покажи ей, где ванная, – прошу бывшую подружку.

Лана молча кивает в сторону уборной. Пока Тихоня оmyвает свои белоснежные ручки от несуществующих пятен грязи, Лана тянется ко мне своими губицами. Уверен, она хочет меня засосать хорошенько.

- Детка, если ты не заметила, то я сейчас не в настроении, - отстраняю бывшую подружку.

Кажется, вовремя. Потому что Тихоня присаживает рядом с решительным видом и безжалостно кромсает мою футболку ножницами.

- Охренеть ты вредительница! Теперь ты должна мне футболку! - требую я.

- Совсем обалдел?! Ты втянул меня чёрт знает во что! - надувает губы, смотря на меня сердито. - Ещё и требуешь купить тебе футболку?!

- Я спас тебе жизнь. И, возможно, целочку. Ты же ещё целочка? - презрительно кривлюсь, пока Тихоня ловко продевает нить в иглу.

- Не. Твоё. Дело. - Малышка опускает ладонь на мой пресс и позволяет себе скользнуть взглядом на грудь, явно оценив крупную татуировку в виде пасти акулы. - Теперь понятно, почему тебя называют Акула... - Непонятно, язвит она или нет. - Будет больно, - предупреждает малышка.

Игла замирает возле резаной раны. Тихоня смотрит на меня предельно серьёзно, окуная в омуты своих карих, реально бездонных глазищ.

- Ты уже делала это раньше? - спрашиваю и перевожу взгляд в сторону, на потолок, пожелтевший от времени и протечки крыши.

- Разумеется! - уверенно заявляет малявка, втыкая в меня иголку. - Я зашивала козу.

- Козу? Ты так называешь своих родственничков? - прикусываю губу, чтобы не шипеть от боли.

Всё-таки спиртного я не отхлебнул, и меня шьют наживую, а это, блин, больно.

– Я имела в виду настоящую козу. Ну, знаешь, коза – это такое домашнее животное. Оно говорит «ме-е-е-е» и приносит молоко. У этого домашнего животного четыре ноги и маленькие смешные рожки на голове, – тараторит Тихоня.

Она успеет не только ловко работать своим язычком, но и втыкает иголку в меня. Раз за разом. Причём делает это умело и с явным удовольствием. О да, ей точно нравится тыкать в меня острой штукой, причиняя боль!

– Ты несёшь бред.

Щёлк. Тихоня подхватывает ножницами нить и принимается за другую рану, обрабатывая её так же быстро.

– Это не бред. У меня дома живёт коза.

– Заче-е-е-ем?

Мне хочется скрючиться от смеха, он разрывает мои лёгкие. Но смеяться с залатанным пузом больно, поэтому я ограничиваюсь лишь ухмылкой. Коза. Блин, Тихоня – та ещё фантазёрка и маленькая брехушка. Вот она кто. Но иглой работает толково. Даже Лана это признаёт, смотря с недовольством на Тихоню. Малявка заканчивает работу, перебинтовывает и впериывает в меня острый взгляд.

– В этот момент нормальные люди обычно говорят «спасибо».

Не дождавшись моей благодарности, она отправляется в ванную, чтобы вымыть руки.

– Футболку можно выкинуть! – заявляет Лана. Поднимается и манит меня к себе пальчиком. – В спальне, кажется, осталось что-то из твоих вещей. От прошлых встреч.

Посидев немного и собравшись с силами, я встаю и иду следом за ней. Лана демонстрирует мне футболку кислотно-жёлтого цвета.

- Это не моё дерьмо, - морщусь. - Видимо, другой хахаль оставил...

- Да? Но зато сейчас у меня есть ты!

Лана, полная решимости, толкает меня в сторону кровати, пытаюсь оседлать...

Глава 9. Тихоня

Мне до сих пор не верится, что это происходит именно со мной, а не с кем-то другим. Не вечер, а сплошной блокбастер. Но больше всего мне хочется просто оказаться дома, в своей кухне, сварить крохе Бо кружку какао, выслушать серьёзного Дэна и просто лечь спать, обняв любимую подушку в виде сиреневой Пупырки.

Больше ничего.

Боже, мне так мало нужно для счастья. Но вместо того, чтобы тискать любимую подушку, я нахожу чёрт-те где! Вместе с хамом и его не менее грубой подружкой. Когда я зашивала рану Акуле, мои пальцы не дрожали. Ни единой судороги. Я сделала это ловко и быстро. Но сейчас на меня накатывает отходняк - давит мощным потоком адреналина и нечаянно нагрянувших слёз. Я омываю руки от чужой крови, давясь глухими рыданиями. Меня трясёт. Столько всего за одну ночь. Уму непостижимо...

Потом я ещё долго сижу на бортике страшно проржавевшей ванны, пытаюсь успокоиться. Не хочу давать повод этим двоим смеяться надо мной. Пусть думают, что меня разобрало пищевым несварением.

Взгляд в зеркало напоследок - припухлость и краснота спали. Можно выходить.

- Если тебе полегчало, можем ехать! - громко заявляю я.

Но в гостиной нет ни Акулы, ни его дурной подружки. Что за фокусы?! Я выхожу в коридор и забредаю в кухню - мойка полна грязной закишей посуды, повсюду валяются крошки и пустые коробки из-под китайской еды на вынос. Не хватает

только усатых тараканов, спующих по столу. Передёрнувшись от омерзения, я иду дальше.

Дверь в одной из комнат оказывается приоткрытой. Через щель я вижу хулигана, лежащего ничком на кровати. Его подружка сидит рядом и томно облизывает его ухо. Я перевожу взгляд дальше. Ниже. Краска бросается в лицо в тот же миг. Рука девушки активно двигается в трусах Акулы. Явно хамка трудится рукой не просто так. Я примерно представляю, какую часть тела парня она трогает! И, судя по тому, какой путь преодолевают пальцы девушки вверх и вниз, там есть за что подержаться. О, мой бог. Да она же дрожит парню рукой... Я не должна поглядывать за таким!

Мне стоит просто закрыть дверь и отойти, но я стою, как приклеенная, наблюдая за парнем. От потери крови его лицо чуть посветлело. Но кожа всё равно загорелая. Желваки гуляют на скулах. Не могу понять – то ли ему нравится, то ли он просто терпит приставания своей подружки.

Всё. Пора уходить. Я отступаю назад и... в этот момент Акула открывает глаза и глядит прямо на меня. Его пухлые красивые губы растягиваются в дерзкой, сексуальной улыбке. Он подмигивает мне, и через мгновение его лицо искажается мукой наслаждения.

Парень приоткрывает рот, выпуская что-то наподобие глубокого и очень довольного вздоха. Поганец стонет вслух:

– Да-а-а-а... – и всё это он делает, глядя прямо мне в глаза.

От его пронзительного наглого взгляда меня обдаёт, словно кипятком! Я начинаю задыхаться и убегаю прочь с полыхающими щеками. Кричу издалека:

– Я хочу убраться отсюда! Как можно живее!

Парочка выходит из комнаты через пару минут. Причём, девушка выглядит слегка недовольной. Наверняка парень, получив порцию удовольствия, не стал себя утруждать, доставляя его подружке.

- Пошли, - кивает мне Акула, осторожно поднимая руки, чтобы девушка надела на него просторную футболку цвета «вырви-глаз-как-ярко».

- Да уж поскорее!

Почему-то после увиденного мне сложно смотреть на парня. Я краснею, смущаюсь и чувствую себя не в своей тарелке. Я знаю о сексе и всём таком, но сама до сих пор не занималась этим. Поэтому возникает не самое приятное ощущение - я подсмотрела то, на что не следовало пялиться в принципе!

- Я с тобой, - вызывается подружка хулигана, хватаясь за кожаную куртку.

- Сиди дома. Я позвоню приятелю, он подхватит меня, - обрубает её предложение хам и даже не реагирует, когда девушка пытается поцеловать его на прощание.

- Какие высокие отношения! - фыркаю я себе под нос, направляясь решительным шагом в сторону своего «Форда».

Я была уверена, что наглец меня не услышал, но стоило занять место и пристегнуться, как он наваливается на меня своим массивным телом. Обхватывает подбородок властным зажимом.

- Что ты имеешь против?

- Отпусти! - начинаю паниковать.

Жар его дыхания опаляет моё лицо. Меня будоражит близость этого парня. Но мне всё-таки чуточку противно. Ведь он только что был с этой девушкой, а теперь жмётся ко мне так, словно хочет поцеловать или даже больше.

- Ты не в моём вкусе, Тихоня.

- Тогда что твоя клешня делает на моей груди? - спрашиваю и визжу в полный голос от собственнического щипка. - Я ударю тебя по ране, если ты немедленно не перестанешь меня лапать, урод!

– С уродами ты уже встречалась, – цедит сквозь зубы Акула, сжимая грудь через тонкий бюстгальтер. Щиплет сосок, заставляя его твердеть. – А я всего лишь... – кажется, он сам не знает, что сказать. Но садится ровно и машет рукой. – Заводи. Я покажу тебе выезд на трассу.

Машина трогается с места. Я с тоской думаю о том, сколько звонков от брата я пропустила. Сегодня пятница – день большой игры в покер. И если Макс оказался дома намного раньше полуночи, это означает лишь то, что он проигрался в пух и прах. Значит, у него отвратительное настроение.

Сердце предательски сжимается, а желудок вообще превращается в каменный комок. Всё нутро скручивает в тугую пружину. Я цепляюсь за руль до побелевших костяшек и молчу, управляю автомобилем под чёткие указания Акулы. Он немного морщится от боли, когда думает, что я этого не замечаю. Я уже не так сильно злюсь на него – как ни крути, он спас меня от группового изнасилования. Так что потерпеть ещё минут двадцать его присутствие – не такая уж и большая плата.

– Прикатили, – говорит он, когда колёса Форда начинают катиться по трассе, уже знакомой мне. – Здесь останови. И шуруй домой... Тихоня, – добавляет с ехидной интонацией. Его тёмные глаза шарят в этот момент по моему телу. Бесстыже, нагло и беспредельно откровенно. У этого хама слишком красивые глаза и слишком грязные намерения, которые я легко могу прочесть по лихорадочному блеску. – Расслабься, цыпочка. Такие, как ты, не в моём вкусе, – повторяет в очередной раз и ухмыляется, отщёлкивая ремень безопасности.

– Такие – это какие? – не могу удержаться от вопроса.

– Невинные крошки в белых пальто. С идеальным фейсом и слащавой идеальной жизнью, – он наклоняется, прежде чем захлопнуть дверь. – Фальшивки, одним словом.

– Надеюсь, я тебя больше никогда не увижу!

– Лучше, если так и будет. Иначе в следующий раз... я познакомлю тебе кое с чем... – он не договаривает, но опускает ладонь, проводя ею по ширинке. – Тебе понравилось смотреть, как кто-то трудился над моим членом. Любишь подглядывать, маленькая грязная девочка. Трусики намокли?

Он захлопывает дверь. Вот же козёл!

– Зря зашивала твоё пузо! Пусть бы все кишки вывалились наружу! – в сердцах произношу я.

В этот момент я жалею, что латала его продырявленный живот. Надо было как следует съездить по его самодовольной физиономии!

Ох, чёрт... Надо поскорее добраться до дома. Ехать осторожно и молиться.

Молиться, чтобы брат не устроил мне взбучку за позднее возвращение.

Глава 10. Тихоня

«Форд» срывается с места неравномерными рывками. Через зеркало заднего вида я вижу, как к парню, стоящему на обочине, подкатывает другая тачка, и он ныряет внутрь.

Вот и славно. Теперь пора домой...

...Я с опаской загоняю «Форд» в гараж, выгружаю покупки и на цыпочках крадусь в дом. Хотя, судя по свету, горящему в окнах, я могу этого не делать. Можно просто зайти и громыхнуть дверь. Ведь домочадцы не спят.

Я едва успеваю переступить порог и опустить бумажные пакеты. Слышу матерную ругань Макса. Она становится ближе и ближе, надвигаясь, словно шторм. Я съёживаюсь от страха, но стараюсь не показывать волнения.

– О, глядите-ка, кто к нам заявился!

Сильные пальцы старшего брата впиваются в мои волосы. Он тащит меня за собой, невзирая на то, что может выдрать здоровенный клочок. Слезы сами катятся градом из моих глаз. Я стараюсь поспеть за размашистым шагом Макса.

Всё очень-очень плохо.

– Ты должна была смотреть за младшим братом! Смотреть! Смотреть! – орёт брат и подтаскивает меня к своему любимому дивану нежно-кофейного цвета.

Сейчас на нём красуется мокрое пятно. Значит, кроха Бо снова не успел добежать до горшка и сделал свои мокрые делишки на диван.

– Я уберу. Я всё уберу, – заверяю брата, мечтая, чтобы он отпустил меня.

– Убирай! Живо!.. – он толкает меня в плечо, едва ли не утыкая лицом в мочу младшего брата.

Макс отходит и разъярённо дёргает воротник рубашки. Я понимаю, что он проигрался и к тому же много выпил – это понятно по сильно покрасневшему лицу и крепкому запаху алкоголя.

– Я вкалываю на двух работах. На двух! И, возвращаясь домой, всего лишь хочу посмотреть телек, а не нюхать насквозь проссатый диван! – орёт Макс. – Это была последняя капля. Последняя! Завтра я сдам этого ссыкуна в детский дом! Всё, надоело! Мамаша с папашей наплодили кучу огрызков и кинули всех вас на мои плечи! Уроды ленивые!..

Макс плюётся обидными словами и выливает на мою голову поток отборной брани, переходя на маты. Самое страшное – у меня редко получается угадывать, как правильно реагировать на его буйство. Иногда старший брат остывает, если я молчу. Иногда моё молчание делает только хуже. Но ничто не спасёт от сильной затрещины, если я начну громко перечить старшему брату. В такие моменты лучше забрать братишек и отсидеться в спальне, но сейчас слишком поздно – я уже попалась Максиму на глаза.

Я взбиваю мыло в обильную пену и тщательно вычищаю диван, пока брат гремит стеклом – наливает себе дополнительную порцию выпивки.

– Может, тебе не стоит пить? – глупо вырывается из моего рта.

В тот же миг стакан пролетает мимо моей головы и разбивается о стену тысячами стеклянных осколков.

– Может, тебе стоит закрыть свой рот и помочь мне, а? Помочь с ведением хозяйства? Тебе нужно меньше шлаться, юная потаскушка! – рычит Макс, вновь нависая надо мной. Потом отскакивает и орёт. – Дэн! Дэн, ленивая мразь! Живо иди сюда! Живо, кому сказал!

Слышится топот ног – по лестнице сбегает Дэн, на ходу поправляя большие очки. Макс раздаёт указания – принести совок и щётку, чтобы смести осколки. Дэн быстрее ветра несётся в санузел и старательно помогает мне. Ему уже десять, он смыслённый парень. Я бы отдала его в частную школу для одарённых детей, будь у меня свободные деньги. Мельком я замечаю припухлость на скуле Дэна. Мои руки опускаются в тот же миг. Я понимаю, что Макс теперь колотит не только меня, но и брата тоже.

– Макс, ты ударил Дэна? – спрашиваю голосом, звенящим от неожиданной ярости.

– Он сам упал. Поскользнулся, – с нервным смехом отвечает брат, развалившись в кресле.

– Но толкнул его ты. Так? Макс, Дэну всего десять. А тебе... тебе тридцать! Как ты можешь поднимать на него руку?! – спрашиваю, остановившись перед братом – взмыленная, вспотевшая, со щёткой в руках.

– Заткни свой рот, сестрёнка. Не то я живо вас всех отправлю в детский дом. Вы держитесь в этом доме благодаря мне, ясно? Висите на моей шее!

– Та-та-тами! – слышится звонкий голосок моего самого младшего братишки – Бо.

Через пять месяцев ему исполнится четыре года. Он спешит ко мне навстречу и смешно держится ручонками за верх колготок, сползающих с него. Дэн виновато шмыгает носом.

– У нас сломалась стиралка и сушилка. Вещи ещё не высохли...

Понятно. Значит, Дэн дал брату то, что нашёл – кое-что из своих старых вещей. Я спешу навстречу крохе, чтобы он не упал. Но он заплетается в длинных концах колгот прежде, чем я успеваю добраться до него. Малыш падает и расквашивает свой нос, начинает плакать. Громко-громко, растирая крохотными кулачками слезы.

– Да заткнись же ты! – рявкает Макс.

От бешеного крика Макса Бо сотрясается ещё сильнее и опускает руки, прикрывая ладошками пах. По колготкам расплзается мокрое пятно. Малыш описался от страха. Снова. Я вздыхаю и сама едва не начинаю рыдать от бессилья – за лето я едва приучила Бо к горшку, а теперь из-за выходов старшего брата у Бо опять будет стресс, и всё придётся начинать сначала. А у меня на носу колледж, первый курс... Мне будет нелегко. Станет ли няня смотреть за Бо хорошо и... наймёт ли Макс няню?

– Он опять обоссался. Задолбал! А знаешь, я прямо сейчас сдам его! Выкину из дома! – рычит Макс, подорвавшись на месте.

Я встаю между ним и Бо, толкая брата в грудь изо всех сил.

– Ты не тронешь его и пальцем! Меньше играй в сраный покер! Не проматывай деньги в баре на дешёвых женщин, обчищающих твои карманы! И нам всем станет легче жить! – ору, набрав полные лёгкие воздуха.

Дэн, почувствовав, что обстановка накалилась, подхватывает ревущего брата и уводит его наверх. Мы с Максом остаёмся вдвоём. Он не ожидал такого напора от меня и разъярённо смотрит вслед Бо и Дэну.

– Не вставай у меня на пути, малявка! – рычит Макс, намереваясь обойти меня. Он толкает меня плечом и идёт к лестнице. Я бросаю в его спину мокрой щёткой.

Принимаю огонь на себя и молюсь, чтобы на этот раз мне досталось не слишком сильно, но...

Удар приходит быстрее. Откуда-то слева. И на этот раз не по корпусу, а по голове. Я падаю, как рухнувшее дерево, больно ударяясь головой о журнальный

столик. Всё погружается в полную темноту.

Последнее, о чём я думаю – я так и не узнала, как на самом деле зовут Акулу. И если бы я отмотала плёнку назад, на его ядовитую речь об идеальной жизни сахарной девочки, я бы ответила:

– Меня зовут Тамилла. И ты понятия не имеешь, насколько моя жизнь далека от идеальной...

Глава 11. Тихоня

Спустя месяц

Колледж, первый курс

– Бо, слушайся мисс Мари, хорошо?

Я никак не могу проститься с крохой Бо. Кажется, он тоже не может этого сделать – цепляется за мои колени и оставляет на коже потоки своих слёз. Сердце сжимается от жалости.

– Н-н-н-не уходи! – просит он.

Буйство Макса, случившееся месяц назад, сказалось на всех нас. В тот поздний вечер я сильно расшибла себе голову при падении, потеряв сознание. Макс здорово перепугался и даже отвёз меня к одному из своих приятелей в клинику, чтобы меня осмотрели в частном порядке и не делали записей в личную медицинскую карту. Помимо сильного ушиба и рассечённой кожи на голове, я получила лёгкое сотрясение мозга и была вынуждена просидеть дома целый июль – самый тёплый и желанный.

Даже если бы я захотела, то всё равно бы никуда не пошла – с фингалом на поллица я могла бы только распугивать людей. Дэн стал ещё более замкнутым и неразговорчивым. Теперь он почти не высовывает нос из книг, а Бо начал заикаться ещё сильнее и пачкает трусики чаще, чем раньше. Макс немного

присмирел и даже соизволил попросить прощения, пообещав, что этого больше не повторится. Он начал меньше задерживаться после работы, и его доход увеличился. Наверное, потому что теперь он не засиживался в барах и не заливал своё недовольство спиртным.

– Бо, милый. Послушай... – я присаживаюсь на корточки, чтобы четырёхлетке было удобно смотреть мне в глаза. – Сегодня мне снова нужно идти в колледж. Я проведу там всего полдня, а потом вернусь к тебе. Я напеку тебе твоих любимых блинчиков. Договорились?

– Те-те-тедди?

– Да, в форме Тедди, а пока ты должен слушать мисс Мари и обязательно говорить ей, если тебе захочется писать, хорошо?

Малыш важно кивает, потом оглядывается на няню, которую нашёл Макс.

– У неё из носа то-то-торчат волосы, – сообщает он мне громким шёпотом.

– Я знаю, милый, но не нужно говорить ей об этом, – целую братишку на прощание и передаю его в руки няне.

Мисс Мари – уже совсем старушка, ей семьдесят с хвостиком. Не знаю, по какому принципу искал няню Макс – наверное, из числа самых дешёвых. Что ж, буду надеяться, что эта ветхая и немного глуховатая старушенция не помрёт прежде, чем кончится мой очередной день в колледже.

Скрепя сердце, покидаю дом. Не хочу оставлять Бо, но выбора у меня нет. Во дворе дома меня дожидается Дэн и нетерпеливо постукивает носком туфли.

– Готов? – спрашиваю, открывая перед ним дверцу старого «Форда».

Дэн молча кивает и забирается спереди. Я сажусь за руль старика, чувствуя, как ускоряется мой пульс. За целый месяц я сидела за рулём лишь дважды – ездила совсем недалеко, в гипермаркет за продуктами. «Форд» больше не барахлил и работал исправно. Понятия не имею, что с ним приключилось в тот злопамятный вечер. Может быть, старик просто капризничал? Главное, что сейчас он едет как

надо и доставляет меня и братишку в нужное место.

Сначала я оставляю Дэна у корпуса для учеников его возраста. Потом мой старичок бодро выруливает на центральную улицу. Колледж находится недалеко от школы – в этом мне повезло. Всего пара минут – и я на месте. Мой тёмно-зелёный «Форд» вливается в поток машин моих однокурсников. У некоторых из моих сверстников довольно дорогие машины. Мой «Форд» на их фоне смотрится откровенно убого, как болотная топь. Но я стараюсь не обращать внимания на насмешливо-ироничные взгляды приятелей. Как, например, двух заносчивых придурков – Тома и Барнса. Они хихикают, глядя в мою сторону, и нарочно медленно едут параллельно на своём белом «BMW» спортивной серии. Друзья ржут над моей ржавой тачкой. Плевать. Когда им понадобится сделать домашнее задание по одному из предметов, эти увальни будут прыгать вокруг меня на задних лапках и покупать сладости, пытаюсь задобрить.

В колледже я учусь уже целый месяц. Я нашла общий язык с однокурсниками. Некоторые из них знакомы мне ещё со школы. Не очень много ребят выбрали тот же колледж, что и я. Откровенно говоря, он едва ли не самый отстойный из всех, что есть в нашем городе. Боже, он даже находится в бывшем здании школы – его перенесли сюда несколько лет назад после пожара, унёсшего большую часть прежнего ветхого здания колледжа. Старую школу восстановили на деньги меценатов и добровольные пожертвования горожан. Директор из кожи вон лезет, чтобы доказать – мы ничуть не хуже всех остальных. Строгий тип, знает каждого студента по имени.

В колледже преподают, в основном, технические специальности. Я получаю стипендию. Но, откровенно говоря, я пошла на эту специальность только из-за того, что сюда был низкий конкурс. Не так много желающих изучать «химию пищевой промышленности». Вот и всё...

Я направляю машину на парковку, выбирая привычное место. Ничего не предвещает беды. Но в последний момент слышится оглушительный рёв мотора. Между моим «Фордом» и белой «Хондой» втискивается дерзкий чёрный спортивный банк и... занимает моё место. От неожиданности я вздрагиваю и путаю педали тормоза и газа. Вместо того чтобы остановиться, как следует поддаю вперёд. Капот «Форда» «целует» зад крутейшего байка, заставив седоков покачнуться. Байк заносит. Слышится треск.

Блин, мой старик изрядно помял байк!

Вероятно, его водитель и пассажир изрыгают брань! Я торможу и вылезая из «Форда». Первый день осени в колледже не задался. И это ещё мягко сказано! Потому что водитель стаскивает шлем с головы и поворачивается в мою сторону. Я забываю как дышать и врастаю пятками в асфальт, узнавая в парне... Акулу.

Мой ночной кошмар.

О чёрт... За прошедший месяц парень стал ещё более загорелым и раскачанным. Теперь при свете дня я могу спокойно разглядеть все черты его дерзкого и красивого лица. Но момент, мягко говоря, не самый подходящий.

Я основательно испортила байк... Мне грозят большие неприятности.

Глава 12. Тихоня

Сердце подскакивает в район горла и бьётся там испуганной птицей. От шума крови в ушах я почти ничего не слышу. Спустя секунду понимаю, что это не только мои ощущения. Но просто вокруг повисла невероятная тишина. Почти мёртвая. Собравшиеся зеваки замерли и осторожно переводят взгляды с меня на Акулу и обратно. Часть студентов предвкушают ссору, брань или просто грязные разборки. С байка слезает девушка и стаскивает с головы шлем.

- Что за сука въехала в наш байк? - спрашивает капризным тоном.

Я смотрю на лицо жгучей брюнетки. Понимаю, что девица - не та, что дровича Акуле. Разумеется, этот самодовольный самец меняет девушек, как перчатки. Думаю об этом с неожиданно сильным раздражением. Да какая мне разница, сколько девушек Акула уже поимел за те пару месяцев, что мы не виделись?!

- Ты пожалеешь, - брюнетка сощуривает глаза, подведённые чёрным карандашом и покрашенные дерзким смоки-айс.

– Уймись, Кара, – лениво отвечает Акула, глядя при этом только на меня. – Я сам разберусь с этой Тихоней... – усмехается и дерзко ставит ногу на капот моего «Форда». – Вали на занятия трепать нервы преподам.

– Удачного дня! – обращается Кара к Акуле.

Девушка не останавливается на этом. Она присасывается к его губам, просто пожирая их своим огромным ртом. Оу, она работает им, словно мощный пылесос. Если Кара сделает свою работу на отлично, Акула останется без языка и не сможет говорить гадости в мою сторону.

– Увидимся вечером! – прощается Кара и уходит, старательно выписывая восьмёрки задницей, затянутой в короткие кожаные шортики.

– Опять ты... – обращается ко мне Акула. – И опять твоё ржавое корыто доставляет мне неприятности!

– Ты занял моё место на парковке!

Толпа зевак растёт. Всем хочется посмотреть на крошечную стычку.

– Твоё?

Акула обходит байк, присаживается на корточки и пристально разглядывает потрескавшийся асфальт на протяжении одной или двух минут. Хулиган корчит из себя долбаного пантомима и раздражает меня! Я вообще не понимаю, что он делает здесь, на парковке возле колледжа. Не думаю, что парни вроде него озабочены учёбой. В первый раз я решила, что ему лет двадцать пять, потому что парень выглядел довольно зрело. Но сейчас, при ярком свете начала дня, я понимаю, что ему вряд ли больше двадцати.

Неужели он учится в том же колледже, что и я? Акула – студент? Невероятно! Но он точно не может быть преподавателем – это был бы самый плохой из всех преподав!

– Не вижу надписи, что это твоё место, – говорит Акула. – Но зато я вижу вот здесь... – стучит пальцем по заднему погнутому крылу, – испорченное к чертям

крыло! Его придётся заменить! – безжалостно выносит вердикт. Показывает пальцем – Вмятины, царапины и скол краски. Это только сзади. А вот здесь... – показывает ещё и на бок байка. – Грёбаная царапина длиной в несколько дюймов! Ремонт влетит тебе в копеечку. Ведь это не второсортное дерьмо, а оригинальный спортивный «Yamaha»!..

От возмущения я не могу подобрать слов. Я не могу подобрать их ещё по той причине, что чувствую вину – ведь я перепутала педали в панике и создала проблему на ровном месте.

– ...Ты до сих пор плохо водишь, Тихоня. Но я готов преподать тебе пару уроков, – посылает мне самоуверенную улыбку Акула и выдаёт громким тоном, вызывая улюлюканье собравшихся кругом. – Я, ты и урок вождения, – невзначай опускает пальцы на пряжку ремня. – Обкатаю, как следует. По-взрослому.

Акула едва заметно раскачивает бёдрами, но всем ясен его пошлый намёк.

– Кажется, я не в твоём вкусе. Или у тебя резко упала планка?

– Поверь, она всегда в приподнятом состоянии, – небрежно бросает Акула.

Хулиган резко снимает ногу с капота Форда и... движется прямо на меня, а я не могу сделать и шагу прочь.

– О том, как ты отработаешь, договоримся позднее, – ядовито шепчет мне на ухо. Так близко и горячо, что его губы касаются мочки уха, обдавая влажным жаром. Или он лизнул меня? Чёрт! Что он творит?! Беспредельщик! Мои ноги отказываются стоять прямо. Колени дрожат, я едва не падаю, но хулиган решает оставить меня в покое и удаляется ленивой походкой, бросив через плечо напоследок: – Увидимся за отработкой, Тихоня!

Я глупо моргаю, смотря Акуле вслед. У парня гордая посадка головы и, кажется, движения стали ещё резче и угловатее. Хулиган удаляется прочь, унося шлем. Только сейчас я замечаю, что он разрисован акульими мордами. Да чтоб его!

Я направляюсь к колледжу под множество взглядов студентов, бурно обсуждающих происшествие. Они рады – в нашем крохотном тихом болотце

случилось кое-что интересное, достойное обсуждения. Стараюсь не волноваться, но внутри меня сильно колотит от эмоций и страха. Потому что Акула – это не безобидный соседский парень, а член криминальной банды, таскающий пушку за поясом своих джинсов. Мне не хочется связываться с ним, но теперь я перед ним в долгу.

– Привет, Тами!

Я оборачиваюсь на звук высокого голоса, обнимая подругу Луизу. Она сжимает меня в сердечных объятиях и толкает кулачком в бок, шепнув на ухо:

– Что это было? Я не успела на представление, но, судя по разговорчикам, было жарко!

– Жарко? – переспрашиваю я. – Это было ужасно! – всхлипываю.

– О, перестань! Зато какой он красавчик, – подмигивает подруга.

– Ты его знаешь?

– Знаю. Не лично, конечно, но слышала о нём достаточно много... Ты же переехала в наш район всего полтора года назад и не видела, как бесчинствовал Акула, когда учился в колледже. – Говорят, он снова поступил. На первый курс...

– Он слишком взрослый, чтобы учиться на первом курсе, – говорю с неожиданно сильной дрожью в голосе.

– Он не доучился. Бросил. Вернее, его вытурили! – охотно начинает делиться сведениями Луиза. – Но, судя по всему, решил вернуться. Ох, он такой...

За несколько минут до начала занятий я узнаю огромное количество сплетен об Акуле. И все как одна показывают его с отрицательной стороны. У меня создаётся впечатление, что Акула – ходячий террорист, способный в любой момент достать пушку и начать палить в окружающих людей!

Из динамиков льётся музыка, приглашая нас на занятия. Я торопливо сверяюсь с расписанием. Семинар по физике, практическое занятие. Я почти бегом

направляюсь в нужный кабинет. Не люблю физику. Не любила её ещё в школе. Но я обучаюсь на технической специальности. Поэтому, помимо химии всех видов, в расписании есть ещё и физика. Я спешу, но успеваю заметить в конце коридора долговязую фигуру препода. Энтони Браун вообще-то читает лекции, а не ведёт семинарские занятия. Но преподаватель-семинаристка заболела, слегла в больницу надолго. Поэтому мистер Браун будет вести и семинарские занятия, начиная с этого самого дня.

Я не сильна в физике. Едва ли не полный ноль! Поэтому Энтони Браун терпеть меня не может и не прощает даже малейшей оплошности! Я спешу зайти в аудиторию раньше него. Влетаю на полной скорости и так же резко торможу, налетев коленом на стол. Причина моей неуклюжести – длиннющие ноги парни, рассевшегося у самого прохода! Я поворачиваю голову, желаю обругать глупца и давлюсь словами. Передо мной сидит Акула.

– Ну, чего застыла, Тихоня? – хрипло спрашивает Акула, сбрасывая небрежно на пол рюкзак с соседнего стула. Хлопает по нему широкой ладонью. – Смелее. Сегодня я кусаюсь очень осторожно...

– Какого чёрта?

– То же самое хочу спросить и я, – нудным тоном возвещает преподаватель, подталкивая меня в спину костлявыми пальцами. – Не стой на проходе, Тамилла. Занимай свободное место рядом... – взгляд мистера Брауна фокусируется на Акуле. – Рядом с этим великовозрастным юношей. Кажется, его зовут Александр Хоуп.

– Так и есть, мистер Браун, – с ухмылкой отзывается Акула. Нахал оглядывает кабинет с видом президента и улыбается ещё шире, обнажая белоснежные зубы и заставляя щёки играть соблазнительными ямочками. – Вижу, что кабинет восстановили! Он стал даже лучше, чем был...

Преподаватель физики силой усаживает меня на освободившееся место рядом с Акулой. Потом опирается ладонями на стол и наклоняется к дерзкому хулигану.

– Потешаешься, Александр Хоуп? Очень зря. Может быть, ты взорвал два с лишним года назад кабинет химии, но сейчас ты находишься на моих занятиях. На занятиях по физике. И тут я – босс. Понятно?

Глава 13. Тихоня

Преподаватель тянется к голове хулигана, снимая с неё чёрную бандану, комкает и прячет в карман пиджака. Акула напрягается и привстаёт. Я ощущаю, как у меня волоски приподнимаются на коже от сильной, разрушающей энергетики, исходящей от парня мощными волнами.

– Сядь, – ледяным тоном осаживает наглеца преподаватель. – Возможно, ты считаешь себя крутым и разъезжаешь по своему району, тряся пушкой перед лицом мирных граждан. Но здесь – моё царство. Я тут главный. И ты либо подчиняешься моим правилам, либо проваливаешь. И тогда прощай так необходимое тебе свидетельство об образовании и хорошая характеристика...

Я не понимаю, что происходит. Зачем Акуле нужна бумажка об окончании колледжа? Мне кажется, что он уже работает... И таким, как этот парень, не нужны всякие корочки, чтобы найти своё место в жизни. Но лицо Акулы каменеет после слов преподавателя. Он медленно-медленно, по дюйму, заставляет своё тело опуститься и складывает руки на коленях, сжимая пальцы в кулаки.

– Остаёшься или проваливаешь? – повторяет мистер Браун.

– Остаюсь, – со свистом сквозь стиснутые зубы выдыхает Акула.

Или мне можно называть его Александр Хоуп?

Преподаватель отходит в сторону, удовлетворённый собой. Он установил права и заставил умолкнуть даже Акулу. Все остальные студенты притихли.

– Итак, добро пожаловать на мои занятия, – приветствует учеников мистер Браун. В ответ слышатся довольно вялые приветствия. – В следующем семестре я не увижу больше никого из вас. И вы, и я этому будем очень рады. Всего один семестр, думаете вы. Предмет не основной по выбранной вами специальности. Некоторые из вас думают, что могут расслабиться, что многое будет спускаться с рук. Вы ошибаетесь. Этого не произойдёт. Я буду строг в той же мере, что и к

тем студентам, для которых физика – профильный предмет. У меня нет любимчиков, но каждый из вас всегда может попасть в категорию тех, кого я на дух не выношу...

При этих слова мистер Браун немного поворачивает голову в сторону нашего с Акулой стола, и я стараюсь стать меньше, чем есть, чтобы не попадать преподавателю на глаза.

– ...Итак, я буду спрашивать с каждого из вас по полной программе. Возможно, вы будете ненавидеть меня к концу этого семестра... – скрипуче произносит преподаватель, снимая пиджак и вешая его на спинку стула. – Но потом на встрече выпускников лет через пять вы со слезами благодарности на глазах вернётесь в стены этого колледжа... – Повисает пауза. Преподаватель обводит всех пристальным взглядом, добавляя: – И даже полезете обниматься...

По аудитории проносится лёгкий смех недоверия.

– ...Поверьте, я знаю, о чём говорю, – без тени улыбки отвечает преподаватель.

Потом он вызывает двух студентов и даёт им задание – скомкать бумажки с именами и забросить их в стеклянный ящик, уже стоящий на преподавательском столе.

– Что это за цирк? – толкает меня локтем Акула.

– Это ящик распределения. Сейчас он определит пары для занятия проектом, – безжизненным голосом отзываюсь я.

– А-а-а-а... Ну тогда всё путём, – хулиган смазано улыбается мне и забрасывает руку на спинку моего стула.

Я начинаю нервничать, желая отодвинуться от него. Но парень просто сдвигает стул вместе со мной в свою сторону. Наклоняется, касаясь жёсткими волосами моей щеки. Я дёргаюсь в сторону.

– Цыц, Тихоня. Судя по всему, ты хорошо учишься, так?

– Убери руку, здоровяк...

– Кому сказал – цыц?

Хулиган щиплет меня за плечо и прижимается ещё ближе, давая почувствовать дикую смесь запахов – улицы, мятной жвачки, резкого парфюма с хвойными нотами. Отдалённо ощущается дымный след табака и немного машинного масла. Иными словами, он пахнет чем-то истинно мужским, и моя женская сущность вибрирует от этого пряного и дерзкого тайфуна, забирающегося в ноздри. Отчего-то я крепче сжимаю бёдра и стискиваю колени очень-очень плотно, стараясь удержать бешеный джайв эмоций внутри.

– Как я уже сказал, ремонт моего байка обойдётся недёшево. Но мы всегда можем договориться, малышка...

Акула поднимает руку и вытягивает из моей причёски прядь, накручивая на палец.

– Не порть мою причёску! – шиплю еле слышно, пока однокурсники увлечены сортировкой.

– Мелинда, садись к Питу! – командует преподаватель. – Поживее!

– Я всего лишь вытянул одну воздушную петельку, – хулиган раскатывает по губам наглейшую ухмылку и продолжает сверлить меня взглядом, способным поспорить по жару с самой преисподней. – Мы договорились?

– Нет.

– Тогда будь добра выпиши мне чек на пару тысяч баксов. И это я ещё по дешёвке тебе назвал цену, не включая стоимость работ, – шепчет Акула, опять приближая губы к моему уху. – Или договоримся. Мирно. Ты помогаешь мне со всем этим учебным дерьмом, я закрываю глаза на испорченный байк. И даже помогу тебе кое с чем...

– Даже не представляю, чем мне способен помочь парень вроде тебя!

Я поворачиваю лицо в его сторону. Это было очень большой ошибкой. Парень успевае́т мазнуть подушечкой большого пальца по моим губам, потом мгновенно заводит ладонь за шею и утыкает меня лицом в своё каменное плечо, начиная шептать мне куда-то глубоко в волосы:

– Или ты мне помогаешь. Или... я могу дать твой адресок своим голодным и безбашеным дружкам. И жизни не будет ни тебе, ни твоей крошечной и, вероятно, невинной попке. Я превращу твою жизнь в ад!

Я цепенею от его слов. Хуже всего, что он ни капельки не шутит. Нет-нет. Акула предельно серьёзен.

– Александр Хоуп! – зовёт преподаватель. – Александр Хоуп! – повторяет голосом, теряющим терпение.

– Должно быть, это я, – лениво отзывается Акула, отпустив меня.

Но напоследок награждает взглядом, словно говоря – мы ещё не закончили!

– Встань, Хоуп! – повышает голос преподаватель.

– В ад. Кромешный ад, – шепчет Акула, прежде чем подняться во весь свой исполинский рост.

– Итак. Твоим соседом или соседкой по проекту будет тот, чьё имя я вытяну из этого ящика. И я объясняю это лично тебе лишь потому, что ты явно не в курсе местных порядков. Итак... – мистер Браун запускает руку в ящик и вытаскивает бумажку. Потом машет рукой. – А теперь сядь... Следующий!

– Не понял, – отзывается хулиган.

Мистер Браун поправляет очки, ухмыляясь:

– Я ждал, что ты это скажешь. Садись. Твой сосед и партнёр по проекту – Тамилла Экклз.

Чёрт побери. Неужели я настолько невезучая?

– М-м-можно поменять партнёра? – осмеливаюсь выкрикнуть я.

– Нет.

Преподаватель поворачивается ко мне спиной.

– О боже! Почему?! – стону, упершись лбом в прохладную поверхность стола.

Распределение идёт полным ходом. Все пересаживаются, хихикают и обсуждают новых соседей. Кто-то доволен, кто-то не очень. А я откровенно несчастна. Мне в напарники достался опасный криминальный элемент. К тому же он из отстающих студентов. Сомневаюсь, что он способен хотя бы бегло читать, не говоря уже о знаниях физики.

– Не спать!

На парту с хлопком приземляется папка преподавателя. Я вздрагиваю. Мистер Браун вытаскивает из папки наугад один из листов, опуская его ровно посередине стола.

– Хоуп и Экклз, для проекта вам досталась тема «Трение»...

Я уныло смотрю на листок. Преподаватель делает пометку у себя в тетради и отходит дальше.

– ...Я раздал темы для проектов. Порядок выполнения и требования вы сможете найти в методическом пособии на странице...

...Когда заканчивается занятие, я спешу выскочить из класса первой и как можно быстрее отделаться от соседства с Акулой. На всех других лекциях я сижу вместе с Луизой. И лишь мистер Браун изменил привычный мне распорядок на своих занятиях. Мне почти удалось ускользнуть, но...

– А ну стой!

Акула цепляет меня за лямку рюкзака и впечатывает спиной в своё массивное тело. Закидывает руку на плечо.

– У меня к тебе первое задание, Тихоня, – говорит, с удовольствием растягивая гласные.

– Какое, к чёрту, задание?! – толкаю его плечом.

Но Акула перемещает локоть так, что зажимает им мою шею.

– Простое. Как два пальца об асфальт! – ухмыляется хулиган, проводя широкой ладонью по своей голове. – Моя бандана. Этот надутый кретин в потёртом пиджаке отнял мою бандану и не собирается отдавать. Сказал, выбросит на помойку, мол, там ей самое место. Разумеется, я с ним не согласен. Поэтому ты... вернёшь мою бандану. До конца дня.

– Но как?

– Это уже не мои проблемы, Тихоня!

Глава 14. Акула

Идеально! Высший класс! Заарканил девочку-припевочку. С одного раза. Теперь ты моя с потрохами, малышка!

– Иди уже, – отправляю девчонку прочь, не отказав себе в удовольствии хлопнуть её по крепкой аккуратной заднице.

Вокруг слышатся смешки и одобрительные улюлюканья.

– Кретин! – выкрикивает Тихоня, но уже отойдя на безопасное расстояние.

Потом она улепётывает со всех ног. Я вытягиваюсь, разминая мышцы. Уверен, она сделает всё в лучшем виде. Я немного приукрасил стоимость ремонта. Чтобы

наверняка впечатлить и припугнуть кроху. Теперь она точно будет из кожи вон лезть, стараясь выполнять все до единого задания. Моя личная рабыня из колледжа. Звучит неплохо.

Признаться, я не думал, что когда-нибудь увижу её снова. Слишком разные миры, слишком большая пропасть между нами. Конечно, это не мешало мне изредка дрочить на мысли о маленькой аппетитной заднице Тихони. Но дальше этого я не заходил. Даже найти её не пытался. На хрена, спрашивается? Наша случайная встреча стала неожиданностью для нас двоих.

– Ал, не хочешь покурить? – слышится призывный голос Кары. Она утягивает меня из корпуса колледжа и заводит за угол, протягивая пачку сигарет. Озорно блестит глазами. – С травкой, – сообщает мне.

– Не-а, кури сама. Мне ещё обратно рулить, – отказываюсь.

Кара пожимает плечами и несколько раз затягивается набитым заранее косячком.

– Что за мелочь ты сегодня припугнул?

– А чё?

– У тебя с ней что-то есть? – прямо спрашивает Кара.

Я обвожу её взглядом с головы до ног и обратно. Да, сейчас я перепихиваюсь с этой оторвой. Кажется, трахаю её месяц или около того. Нужно же мне куда-то спускать пар. Но я не говорил, что она моя девушка. Такие, как Кара, не могут быть твоей девушкой – слишком много раз она была чьей-то. Временами она бывает и в моей постели. Временами это происходит в других местах – в туалете бара или на тёмной парковке. Нагнуть, привсунуть, подвигаться... Разрядить обойму, застегнуть ширинку и пойти дальше.

– У нас с тобой просто секс. Ничего личного! – прямо говорю я. – Не смей лить мне в уши дерьмовые речи о своей ревности. Ты – не моя тёлочка, ясно? – Кара обиженно поджимает губы. – Да ладно, брось. Я просто тусуюсь с тобой. Вот и всё.

- А с ней ты тоже тусишь? – резко спрашивает Кара.

- С кем?

- Ты прекрасно понял, с кем. С той мелкой девчонкой! Я видела, как ты мацнул её за задницу! При всех...

- Всего лишь придал ускорения, – ухмыляюсь.

Моя ладонь помнит тепло этих крепких булочек, затянутых в строгие, тесные брючки.

- Но она не твоя? – продолжает насесть Кара.

- Не-а.

Я поворачиваюсь спиной к Каре, показывая, что разговор окончен. Едва вливаюсь в поток студентов в коридоре здания, как меня окликает секретарша.

- К директору.

Идя и гадаю, зачем меня вызвали. Когда я учился здесь прежде, мне частенько доводилось слышать, как меня вызывают к директору. Но то осталось в прошлом. В этом учебном года я ещё не успел ничего нарушить и не собираюсь этого делать. Быть паинькой – вот моя цель. У меня есть на то свои причины. Директору колледжа о них прекрасно известно. Остановившись перед дверью, я небрежно стучу по тёмному дереву костяшками пальцев.

- Войди, – командует директор. Его зовут Адриан Борн. Он – тучный мужик в очках и с густыми усами – пишет что-то в блокноте. – Садись, – говорит, не поднимая головы.

- Я постою. Уверен, это ненадолго.

Моя реплика заставляет ручку директора замереть на месте. Он откладывает её в сторону и переплетает пальцы, толстые, как варёные сосиски.

– Ты будешь находиться в этом кабинете ровно столько, сколько необходимо, – важным тоном говорит директор. Потом показывает на экран позади себя, щёлкая пультом. – С того времени, как ты учился в этом колледже, многое изменилось. Теперь у нас есть видеонаблюдение. Не только в коридорах, но и в лекционных, в семинарских аудиториях. Одним словом – везде! – перещёлкивает по камерам, демонстрируя мне.

– Везде? Даже в туалете? – уточняю.

Директор недовольно поджимает полные губы. Он вызвал меня для того, чтобы рассказать об усиленных мерах безопасности. Наверняка он хорошо помнит то безобразие, которое я устраивал раньше. Скорее всего, директор просто хочет подстраховаться на всякий случай. Внушить мне ещё раз, что стоит вести себя пристойно.

– В колледже изменилось не только это. Теперь у нас появилась вооружённая охрана... – напыщенным тоном произносит директор.

Его взгляд фокусируется на мне. Тем самым мистер Борн даёт мне понять, что если я начну буянить, наказание последует незамедлительно. Оно будет жёстким. Вернее, такое впечатление он хочет произвести. Но вряд ли в охранники колледжа наняли молодых сильных мужчин. Скорее всего, это бывшие копы в отставке или другие силовики, уже вышедшие на пенсию. Честно, не видел их, но думаю, что охрана не на высшем уровне.

– ...Я лично пообещал старшему инспектору, а также преподавателям и совету колледжа, что за время твоей учёбы не случится ничего из ряда вон выходящего. Никаких пожаров. Никаких взрывов. Никаких драк...

Я сверлю его в упор, он не отводит своего взгляда.

– Я не затевал никаких драк, – возражаю я.

– И не надо. Я вошёл в твоё положение и поручился лично. Но если ты подведёшь и обманешь моё доверие, я снова вышвырну тебя из колледжа. На этот раз окончательно. Моя рука не дрогнет подписать приказ на отчисление.

– Я всё понял.

– Хорошо, – отвечает директор. – Но я знаю о том, что на парковке колледжа сегодня произошло кое-что.

– Да? – спрашиваю, пожимая плечами. – Понятия не имею, о чём вы говорите. Я ничего не заметил

– Давай не будем начинать наше общение со лжи? – миролюбиво предлагает директор. – Я своими глазами видел стычку с твоим участием и массовое скопление студентов.

Сказав пару предложений, директор с ожиданием смотрит на меня. Не думал, что эта мелочь будет замечена руководством колледжа. Но директор заметил. Тихоня испортила мне байк. Судя по всему, дурёха отвратительно водит и путает газ с тормозом. Я был быстрее, она затупила. Не моя вина. Но говорить директору об этом не стоит.

– Ах, вы об этом. Небольшое столкновение. Просто случайность, – говорю я. – Та девушка не очень хорошо паркуется. Но всё решилось мирным путём.

– Я надеюсь, что это действительно так, – директор демонстрирует мне моё личное дело, опускает его на стол и надавливает пальцем. – Я надеюсь, что мне не придётся добавлять что-то ко всему уже написанному о тебе вот здесь.

– Я тоже на это надеюсь, мистер Борн.

Директор кивает и отпускает меня прочь со словами:

– Хорошо, иди на занятия. Но помни, что я буду наблюдать за тобой. Безопасность моих студентов-первокурсников, каждый из которых младше тебя, Александр, для меня в приоритете.

– Я не создам вам проблем. Обещаю, – поднимаюсь легко, едва не подпрыгивая.

Директор смотрит, как я покидаю его кабинет. Но он был бы не директором, если бы не сказал напоследок:

– Александр, прошу отнестись серьезнее к сказанному. Показав себя с плохой стороны, ты подведёшь меня. И если тебе на это плевать, подумай о том, ради кого ты всё это затеял. Подумай о малышке Хлое. Ты подведёшь её. В первую очередь.

Его слова впиваются в моё сердце ржавыми крючьями, разрывая его на окровавленные куски. Я сухо прощаюсь с директором, желая ему отличного дня, и выхожу, прикрывая за собой дверь.

Есть та, ради которой я согласен побыть в роли студента колледжа. Мне нужна хорошая характеристика. Официальное место работы и жильё. И на это у меня есть всего один долбаный год!

Глава 15. Тихоня

– Ты нервничаешь?

Подруга приземляется рядом со мной на подоконник в коридоре, протягивая мне высокий стакан с молочным коктейлем. Я никак не реагирую на её жест. В моей голове прокручиваются печальные мысли.

– Карамельный, твой любимый!

Подруга машет стаканчиком у меня перед носом. Я улавливаю сладковатый аромат карамельного лакомства и, чтобы не расстраивать её, беру стаканчик, отблагодарив улыбкой.

– Ты так сильно расстроилась. Из-за чего?

– Я должна Акуле кучу денег. За ремонт байка он запросил две штуки баксов, – отвечаю со вздохом. – У меня нет таких денег. Значит, я попала в его рабство.

– Две тысячи долларов за помятое крыло и пару царапин? – с недоверием спрашивает подруга. – Да он тебя дурит! Потребуй, чтобы он отогнал байк в

мастерскую при тебе. Пусть мастер осмотрит повреждение и озвучит цену. Реальную цену, а не заоблачную!

Подруга говорит с пылом и пытается поддержать меня. Но она знает Акулу только по слухам и столкнулась с ним лишь сегодня. А я прекрасно знаю, что его жизнь – это не просто пугающие слухи о криминале и опасности для жизни. Это суровая правда. Я смотрю на свои пальцы, держащие плотный пластиковый стаканчик с радужной трубочкой, торчащей из крышки. Вот эти самые пальцы месяц назад зашили две длинные резаные раны. И вместо того чтобы думать о том, как избежать гнёта навязанного рабства, я начинаю думать – остался ли у Акулы шрам на животе? Сразу вспоминается его тело – мускулистое, знойно-загорелое и тренированное, полное жгучей, резкой силы и опасности. Внутри что-то начинает звенеть, а сердце болтается в груди, как сбрендивший маятник.

Ох, не к добру эти признаки сердечной аритмии!

– Эй! – подруга щёлкает пальцами у меня перед носом, возвращая меня с грешных красочных низин в серую реальность.

– Потребовать, – повторяю я, недоверчиво покачав головой. – Я бы посмотрела ролик об этом, но с участием кого-то другого в главной роли.

– У тебя есть старший брат. Ты можешь рассказать ему!

Рассказать брату. Очень смешно. Чтобы он снова взбесился и отвесил мне затрещин, окончательно оторвав голову с плеч.

– Да, пожалуй, я попробую переговорить с Максом, – я фальшиво улыбаюсь и целую Луизу в щёку на прощание.

Есть вещи, о которых не знает даже моя лучшая подруга. Она в курсе некоторых проблем крохи Бо, знает, что Дэн замкнут. Но моя солнечная Лу ошибочно считает, что это из-за трагической гибели родителей. Я не рассказывала ей, что брат иногда поднимает на меня руку. Это позорная тайна, которой я стыжусь. Но больше опасаясь, что правда выплывет наружу.

Мы же живём в благопристойном районе. Наш дом опрятен снаружи и не менее чист внутри, хоть ремонт и мебель нельзя назвать новыми, скорее, уже хорошенько потёртым, у нас почти всегда вкусно пахнет домашней выпечкой. Мы участвуем во всех мероприятиях, которые затевают соседи – охотно соглашаемся на барбекю, если нас приглашают, и заглядываем на воскресный пирог к пожилой паре, живущей напротив, время от времени тоже приглашаем соседей посидеть на открытом воздухе на заднем дворе своего дома. Иными словами, я всеми силами поддерживаю имидж счастливой семьи. Счастливой, несмотря на то, что я и два младших брата висим на шее Макса – самого старшего из нас.

Иногда мне приходится прятать синяки под одеждой, но по лицу Макс ударил меня всего однажды – этим летом. Просто у старшего был очень тяжёлый день и неудачный вечер игры в покер. Единичный случай. Это можно потерпеть – так я успокаиваю себя. Больше всего я боюсь, что правда о побоях и жестоком обращении просочится наружу. Если об этом узнает хоть одна живая душа, они могут донести в органы опеки. Тогда у Макса отнимут опекунство на Бо и Дэном. Органы опеки просто отправят моих братьев в детский приют. И я не смогу забрать их, потому что не самостоятельная, не имею ни жилья, ни источника дохода. Поэтому я терплю перепады настроения Макса, его тычки и рукоприкладство, надеясь, что однажды это прекратится.

Будто мне мало своих проблем, на голову свалился ещё проклятый хулиган Акула. Ему девятнадцать, скоро исполнится двадцать лет! Чёрт бы побрал этого великовозрастного студента-первокурсника!

Я встаю, медленно иду по коридору колледжа. Вообще-то занятия уже закончились. Можно выгрузить все учебники в шкафчик и отправляться домой. Но меня в стенах колледжа держит это проклятое задание Акулы – вернуть бандану. Можно было бы попытаться улизнуть прочь, наплевав на требования отморозка, но байк Акулы ещё стоит на парковке колледжа. Значит, этот хищник находится в здании и рыщет...

Оставив учебники в своём шкафчике, я ещё долго не могу решиться на проступок. Я знаю привычку преподавателя по физике оставлять свой пиджак на спинке стула в кабинете. Мне придётся залезть в карманы чужого пиджака! Это сродни воровству, хоть я и не собираюсь красть ценности или деньги.

Я долго мнусь в конце коридора, опасаясь приблизиться к кабинету, хотя преподаватель вышел и снова зашёл уже раз пять, не меньше. У меня было множество возможностей, но я не воспользовалась ни одной. Я просто отчаянная трусиха!

Боюсь того, что меня вычислят по камерам, установленным в коридоре. Но успокаиваю себя тем, что в классах камеры не работают. Парни болтали, что они не подключены, а установлены просто для острастки. В конце прошлого года была серьёзная драка, сломали пару столов и доску, но виноватых парней не наказали. Были бы камеры – последствия не заставили бы себя долго ждать.

Это всё я говорю про себя только для успокоения, пытаюсь приструнить расшалившиеся нервы. Преподаватель по физике в очередной раз выходит из аудитории. Оттуда же гурьбой вываливаются студенты. Теперь кабинет пуст – это мой шанс. Лучше может и не быть!

На негнущихся ногах я иду к кабинету. Пульс грохочет в висках. Он оглушает меня и делает невосприимчивой к другим звукам. Кто-то налетает на меня плечом, но я едва замечаю это, замирая возле приоткрытой двери. Меня не покидает ощущение, что кто-то наблюдает за мной со стороны. Я нервно оглядываюсь – никому нет до меня дела. Наверное, это просто прицел камеры жжёт мне спину.

Набрав полные лёгкие воздуха, словно перед прыжком в воду, я залетаю в аудиторию и сразу же бросаюсь к пиджаку преподавателя. Я не видела, куда мистер Браун затолкал бандану. Сминаю пальцами подкладку – во внутреннем кармане лежит бумажник. Я отдёргиваю руку, словно кожаный бумажник меня ужалил. Потом осматриваю наружные карманы. В одном из них я нахожу скомканную бандану. Быстро засунув комок чёрной ткани в наружный карман своего рюкзака, я выметаюсь из аудитории. Несусь по коридору быстрее ветра и наталкиваюсь в холле на первом этаже на самого мистера Брауна, задев плечом.

– Смотри куда идёшь, Тамилла! – недовольно поправляет очки на носу преподаватель по физике.

Боюсь, как бы это нечаянное столкновение не вышло мне боком – уж слишком сильно недолюбливает меня преподаватель.

Выйдя из главного корпуса, пытаюсь восстановить дыхание. Чёртова бандана ощущается, как нечто грязное, непристойное и оттягивающее рюкзак к низу. Из-за этого гнусного трофея мой он, кажется, весит целую тонну. Не знаю, где найти Акулу. Просто ума не приложу, где может таскаться этот криминальный элемент. Не придумав ничего лучше, я топчусь возле его байка. Минуты утекают в никуда, а хулигана не видно. Я с беспокойством смотрю на часы – мне пора быть дома! Устав стоять, я прислоняюсь попой к сиденью байка. В тот же момент раздаётся:

– Сначала твоя попка должна заслужить право гнездиться на моём байке!

Я вскакиваю и отряхиваю попу, как будто она могла запачкаться о байк симпатичного негодяя, стоящего в паре футов от меня.

– Очень надо. Вот, держи свою тряпочку! – я впихиваю в руки Акуле его бандану и отхожу. Вернее, пытаюсь, но хулиган хватает меня за локоть.

– Я тебя ещё не отпускал. Завязывать умеешь?

Я запрокидываю голову, заглядывая в сумрачные глаза негодяя, полные опасных огней.

– Ты такой дылда! Мне подпрыгнуть? И нет, не умею завязывать.

– Я так и думал.

Акула отпускает мой локоть. Но по коже гуляют мурашки от фантомного эха его прикосновений. Он будто обжёг меня. Я растираю кожу, украдкой рассматривая себя – не остались ли следы на самом деле.

– Что ты чувствовала?

Неожиданный вопрос застигает меня врасплох. Я даже приоткрываю рот от изумления, с недоверием глядя на Акулу. Он ловко повязывает бандану и сокращает расстояние между нами до преступного минимума.

– Что ты чувствовала, когда воровала?

- Я не воровала, - говорю сдавленным голосом.

- Изъяла незаконно. Так звучит лучше?

- О, ты знаешь такие умные слова? Я рада. Может быть, теперь я могу уйти?

Я делаю шаг в сторону, Акула движется синхронно. Он загоняет меня в ловушку, прижимая к байку.

- Можешь уйти. Разумеется. Но тебе хотелось кое-чего, да?

Близость мужского тела действует на меня пьяняще. Я не в своей тарелке и меньше всего хочу чувствовать этот зудящий жар во всём теле, вплоть до самых кончиков пальцев. Но больше всего жар концентрируется в низу живота и вспыхивает ещё сильнее, становясь безумным, когда Акула задевает талию и опирается ладонью на сиденье байка и давит на меня, прогибая своим телом. Мне приходится немного отклониться назад. Негодяй пользуется этой паузой и припиливает меня к своему монстру на двух колёсах. Прижимается так тесно, что бедром я чувствую... большую разницу в наших ощущениях.

Если я трясусь и покрываюсь мурашками от страха - иначе быть не может, то...

Матерь божья, Акула возбуждён.

Его член натягивает большим бугром ширинку джинсов. Акула дико, сильно возбуждён, и едва не раскладывает меня на байке, нагло вклинив колено между моими бёдрами.

- Что ты творишь? Отпусти меня! - шепчу еле слышно.

Акула поглаживает кожаное сиденье своего байка широкой ладонью, словно намекает на что-то.

- Он гарцует, как жеребец... - нажим бёдрами. Плавный и медленный толчок, от которого внутри взрывается фейерверк непонятных эмоций, а колени начинают дрожать, но так приятно и сладко чувствовать вибрацию натянутых струн, что

даже страшно. – Хочешь, прокачу тебя? С ветерком... – шепчет на ухо.

Кажется, он говорит не только о байке. Или совсем не о байке?

Его губы коварно и пошло задевают моё ухо. Чаша моего терпения переполняется, когда хулиган медленно проводит языком по мочке, прихватывая её зубами. Крошечный взрыв. С моих губ срывается всхлип, смешанный со стоном.

– Воу, ща отжарит! – слышится похабный смешок. Его доносит издалека, но именно он отрезвляет меня.

Я толкаю Акулу в живот. Намеренно туда, где сама зашила ему рану. Он отодвигается, но успевает зафиксировать мой кулак.

– Там остался шрам. Хочешь поглядеть?

– Мне плевать! Отпусти! У тебя есть подружка для таких грязных развлечений на людях!

Мне удаётся вырваться из порочного плена отпетого отморозка. Я спешу к своему «Форду» и трясущимися пальцами пытаюсь попасть ключом в замочную скважину.

– Расслабься. У тебя всё получится, – приходит откуда-то сверху в мои волосы.

Акула накрывает мои пальцы своими, помогая справиться. Чёртов мерзавец не может просто так отпустить меня, не облапав как следует! Он прижимается ко мне своим телом, особенно той самой длинной, напряжённой штукой в штанах. Я снова чувствую всю длину его члена, Акула с довольным видом потирается стволом о мою попку, тараня между ягодиц. Как будто уже трахает меня сзади! Похотливое животное. Он делает это на людной парковке. Извращенец!

– Ублюдок!

Распахнув дверь, ныряю внутрь. Акула успевает вклиниться – настёрный, проворный и скользкий, словно угорь.

– Я могу научить тебя водить. Имею в виду, по-настоящему водить, а не насиловать это ржавое корыто, сбивая всех и вся.

– Ты сам виноват. А теперь отойди. Я спешу.

– Ага. Щас... – Акула втискивает своё мощное тело в салон «Форда» и вытаскивает мой телефон, набирая чей-то номер. Через секунду из кармана джинсов Акулы раздаётся назойливое пиликанье. Мерзкое, бьющее по ушам.

Я уже даже не сопротивляюсь, понимая, что просто хочу избавиться от хулигана как можно скорее. Избавиться и забыть. Пусть делает что угодно с моим номером – большого секрета в нём нет.

– Теперь будем на связи. Не забывай – ты должна мне. Скоро созвонимся...

Только после этого он захлопывает дверь и уходит. Наконец-то уходит!

– Иди. Ты. К чёрту. Козёл! – выкрикиваю, сидя в машине.

Но у меня нет времени на то, чтобы злиться. Я уже опаздываю вернуться домой. На целых двадцать минут, а нужно ехать ещё столько же...

Мне придётся выполнять для этого разгильдяя все задания. Хочется верить, что на этом всё и кончится...

Глава 16. Тихоня

– Что на этот раз?

– Всё путём, – стараюсь улыбнуться, но выходит плохо.

Вчера я перенервничала. Потому что вернулась домой и не обнаружила ни малыша Бо, ни няню. Я объезжала весь наш район и нашла кроху Бо на границе

парка, а его «няня» в это время спала на скамейке, похрапывая. Малыш просто мог уйти неведомо куда. И это почти произошло! Исключительно по вине брата, не желающего платить нормальной няне. Я подумываю о том, чтобы растрясти свою жестяную банку с накоплениями. Я собирала на новый Мас, но жизнь Бо важнее какого-то ноутбука, будь он хоть трижды прекрасен и нужен.

– С тобой что-то происходит, – хмурится Луиза и обнимает меня. – Ты можешь рассказать мне всё. Абсолютно. Я постараюсь тебе помочь.

– О, нет. Ерунда. Просто кое-кто... – показываю пальцами в воздухе кавычки, – нагрузил меня своими домашними заданиями.

– Ты говорила с братом?

– Ага. Он сказал, поступи по справедливости, – лгу, начав внезапно рыться в рюкзаке в поисках чего-то. – Справедливость заключается в том, что я виновата. Перепутала газ с тормозом. Мне придётся отвечать самой за проступки.

– Ох, сожалею. Макс у тебя очень строгий, да? Раньше он не был таким?

– Раньше у него была жена, а сейчас она бросила его, зато появилось трое младших родственников: сестра и два брата. Он старается изо всех сил, чтобы обеспечить наше будущее, и не может себе позволить тратиться по пустякам, – отвечаю фальшиво бодрым тоном.

После короткого разговора мы занимаем место в аудитории в ожидании начала занятия. Химический синтез. Я оглядываюсь, но не замечаю среди класса Акулу. Ха, второй день занятий, а он уже прогуливает! Кажется, мне не о чем переживать! Этот отморозок уже потерял интерес к учёбе и ко мне тоже.

Настроение улучшается вмиг. Я даже начинаю с интересом слушать нудноватый бубнёж преподавательницы.

Раздаётся стук по двери аудитории.

– Простите, что прерываю вас, – в класс заходит секретарша в сопровождении двух массивных охранников, вооружённых дубинками. – Директор колледжа

просит забрать с урока одного из ваших студентов.

- Если есть необходимость, пожалуйста, - разрешает преподавательница.

- Директор желает видеть у себя Тамиллу Экклз.

Взгляды однокурсников устремляются на меня. Чувствую себя мишенью на стрельбище. Внутри возникает неприятное сосущее чувство - будто пустота возникла и ширится с каждой секундой, поедая меня по кусочку.

- Можете забрать свои вещи, - добавляет секретарша, заметив, что я встала налегке. - Наверяд ли они вам понадобятся.

В последних словах секретарши мне чудится зловещий намёк, а толстые дубинки охранников и кобура на их ремнях прибавляют сразу десяток баллов к шкале моего страха. Собираю канцелярию и тетради трясущимися руками, робко махнув Луизе на прощание. Я понятия не имею, что происходит, но мне страшно.

- За мной, - командует секретарша.

Охранники пропускают меня вперёд и потом пристраиваются по бокам немного позади меня.

- Ч-что случилось? - спрашиваю у секретарши.

Но она чеканит свой шаг, громыхая каблуками по пустым коридорам. Я могу смотреть ей только в спину и не могу заглянуть в лицо.

- Скоро узнаешь. Возможно, это твой последний день в колледже, Тамилла.

Тело уже пронизывает страхом насквозь. Я едва передвигаю ногами, гадая, что могло случиться. Когда мы доходим до студенческих шкафчиков, и я замечаю возле них мистера Брауна и директора колледжа Адриана Борна. Дурное предчувствие становится сильнее с каждой секундой.

- Вот и она, - громко говорит секретарша, отходя в сторону.

– Тамилла, объясни мне кое-что, – начинает директор. – Ты же прекрасно знаешь, что воровать нехорошо?

– Что? – выпучиваю глаза, округляя их до боли. – Но я не...

– Знаешь или нет? – перебивает мистер Браун.

– Знаю, но я ничего не крала! – пылко возражаю, а ладошки покрываются холодным потом.

– Пфф-ф! – фыркает преподаватель. – А знаешь ли ты, что, начиная с этого учебного года, каждое учебное помещение оснащено видеокамерой? Причём, работающей.

О боже. Нет! Нет... Только не это! Я едва держусь на ногах, перед глазами начинает роиться чёрная мошкара. Я знаю, что препод скажет следующим предложением, но надеюсь, что ошибаюсь.

– У мистера Брауна пропал бумажник. По камерам мы увидели, как ты обыскивала его пиджак...

Слышится тихий смешок где-то в стороне. Я замечаю Кару и Акулу, медленно идущих по коридору. Причём, оба с интересом прислушиваются к разговору.

– Я не крала бумажник.

Директор останавливает меня жестом.

– Боюсь, я не могу доверять тебе на слово. Прошу, открой шкафчик. Мы хотим осмотреть его. И рюкзак.

С левого плеча сползает лямка – один из охранников тянет мой рюкзак себе, второй принимает ключ и отпирает шкафчик.

– Говоришь, ничего не крала? – директор достаёт из моего шкафчика бумажник, демонстрируя его мне.

На меня смотрят несколько пар глаз. Обвиняюще. С презрением.

Меня считают воровкой. Но я не крала бумажник. Меня... подставили!

Глава 17. Акула

– У неё будут большие неприятности! – шепчет Кара, гнусно хихикнув в моё плечо.

Я наблюдаю за сценой, разыгрывающейся на моих глазах. Тихоню обвинили в воровстве из-за того, что камера засняла, как она рыскала по карманам пиджака препода. Тихоня искала мою бандану. Она мне её вообще-то вернула. Но я уверен, что эта чистая девочка не стала бы красть бумажник преподавателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/allen_samanta/tihonya-dlya-huligana

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)